

---

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2019 №2

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

О. А. Шабаева, канд. юрид. наук (г. Иркутск)

Ответственный редактор

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

Е. Д. Макрицкая (г. Иркутск)

Редакционный совет:

К. С. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (г. Иркутск)
О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
В. А. Смирнов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: 8(3952) 52-19-00; факс: 8(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: 8(3952) 52-11-90; факс: 8(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis.law.review@gmail.com
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.*

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год
Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019

Содержание

Абалтусова А. А. Исторические аспекты возникновения и становления института договора аренды зданий и сооружений	2
Банеева А. С. Государственный (муниципальный) контракт в сфере обеспечения государственных (муниципальных) нужд	6
Вологодина Е. С. О некоторых проблемах квалификации преступных посягательств в отношении персональных данных	10
Гришанин А. Ю. Значение судебной практики в сфере защиты трудовых прав работников при выявлении дефектов трудового права	14
Драузина А. Ю. Требования, предъявляемые к судебному эксперту в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Молдова	17
Исаченко А. М. Гражданско-правовые риски для российского бизнеса в условиях международных санкций	20
Калашников А. Е. Перспективы реформирования уголовно-исполнительной системы	25
Котельников А. Д. Избирательные комиссии в Российской Федерации: актуальные вопросы регулирования правового статуса	30
Лещинская А. А. Проблемы применения патентной системы налогообложения	33
Мамкин С. Ю. Личность пенитенциарного преступника	37
Мендешева Э. Г. Субъективная сторона приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации	41
Николаева Е. В. Недобросовестность продавца при исполнении договора розничной купли-продажи	45
Орищенко Р. Е. Проблемные аспекты введения категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство	49
Смирнов В. Е. Россия в региональной и глобальной системах противодействия киберпреступности	53
Трофимова А. Д. Искусственный интеллект в правовой реальности: проблемы и перспективы ...	57

Исторические аспекты возникновения и становления института договора аренды зданий и сооружений

© Абалтусова А. А., 2019

А. А. Абалтусова

магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: boun-ty.lahai@yandex.ru

Научный руководитель:

А. В. Климович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: a-klimovich@mail.ru

Аннотация. Уделяется внимание истории становления и развития института аренды зданий и сооружений. Проводится анализ нормативных документов, регулирующих вопросы договора аренды недвижимости до принятия Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: договор аренды, аренда зданий и сооружений, законодательство.

Договор аренды зданий и сооружений как самостоятельный вид договора выделяется в российском законодательстве сравнительно недавно. Прежде чем занять самостоятельное место в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ), институт аренды зданий и сооружений прошел немало этапов становления. Договор аренды зданий и сооружений является одним из видов договора аренды (имущественного найма), поэтому первый этап становления договора аренды как разновидности консенсуальных договоров относят к глубокой древности. Стоит отметить, что римской цивилистике данный вид договора был известен как договор найма. По договору найма вещи (*locatio – conductio rerum*) одна сторона (наймодаделец – *locator*) обязывалась предоставить другой стороне (нанимателю – *conductor*) одну или несколько определенных вещей для временного пользования, а другая сторона обязывалась уплачивать за пользование этими вещами определенное вознаграждение (*merces, pensio*) и по окончании пользования вернуть вещи в сохранности наймодателю [9, с. 446]. Внаем могли передаваться как движимые, так и недвижимые вещи.

Согласно Своду законов Российской империи дореволюционному российскому гражданскому законодательству договор найма был известен как имущественным наем, под ним признавался договор, в силу которого одна сторона за определенное вознаграждение обязывалась предоставить другой свою вещь во временное пользование [12, с. 287].

Проект Гражданского уложения также сохранил нормы, характеризующие предмет найма. Предметом найма могли быть как движимое и недвижимое имущество, так и приносящие доход права.

Однако действовавшее дореволюционное законодательство ограничивало заключение договора найма недвижимости на длительный срок. Так, срок найма недвижимости не мог быть более двенадцати лет, в связи с чем российские юристы выделяли несколько причин, повлиявших на установленное ограничение. Одна из них, по мнению Д. И. Мейера, «заключается, вероятно, в опасении, чтобы наем не прикрывал собой перехода права собственности. Это было бы убыточно для казны, так как переход права собственности по недвижимому имуществу доставляет ей значительный доход» [8, с. 263]. Иной позиции придерживался Г. Ф. Шершеневич, который полагал, что, «устанавливая предельный срок найма, законодатель имел в виду предупредить обесценение имений вследствие долгосрочных аренд» [12, с. 161].

Особый интерес в дореволюционное время вызывал так называемый наем из выстройки: для этого собственник земли отдавал внаем нанимателю землю, а последний в свою очередь по окончании срока найма должен был передать наймодателю, помимо земли, принадлежавшей ему на праве собственности, здание или сооружение, построенное на этой земле.

Кроме того, моментом возникновения права собственности у наймодателя было окончание строительства, но пока срок договора не истек, наниматель был вправе пользоваться построенным зданием или сооружением без внесения дополнительных выплат собственнику земли.

Как отмечал Д. И. Мейер, договор найма из выстройки заключался обыкновенно в тех случаях, когда у одного лица был капитал, состоявший в земле, но сам по себе не дававший дохода, а у другого лица – денежный капитал, который мог дать доход, но для этого нуждался в земле [8, с. 265]. Цивилистической доктрине данный вид

договора больше известен как договор о выстройке помещений для присутственных мест, тюрем и других зданий ведомства Министерства внутренних дел.

Вопросы договора аренды в советский период регулировались Гражданским кодексом РСФСР 1922 г., Гражданским кодексом РСФСР 1964 г. Специфика договора аренды этого периода содержалась в ограничении сферы действия гражданского права, роль договора была значительно уменьшена, на первое место по регулированию общественных отношений выдвинут административный акт. В процессе формирования советского гражданского законодательства произошло изменение некоторых теоретических положений о договоре найма. По мнению В. В. Витрянского, отличительными особенностями указанного периода явились некоторые ограничения круга объектов имущественного найма, сокращение и дифференциация сроков найма, увеличение числа специальных правил, предназначенных для регулирования отношений найма с участием так называемых социалистических организаций или связанных с передачей внаем государственного имущества, что обусловлено появлением особого субъектного состава [7, с. 38]. Так, в отличие от ГК РСФСР 1964 г., ГК РСФСР 1922 г. к предмету договора относил не только вещи, но и права.

В 1989 г. Верховным Советом СССР были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, с которых в советском законодательстве начинается новый этап развития законодательства о найме и аренде.

Договор, введенный Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, значительно отличался от традиционного договора имущественного найма, поскольку он являлся способом организации хозяйственной деятельности, влияющим на специфику экономической модели предприятия. Таким образом, к концу 1990-х договор аренды приобретает статус особого правового института, позволяющего наделить государственные предприятия большей самостоятельностью. В конечном итоге договор был направлен на денационализацию предприятия, являлся формой организации и оплаты труда, предопределял взаимодействия государственных органов и трудовых коллективов.

Согласно Основам законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде под арендой понимали основанное на договоре срочное возмездное владение и пользование землей, иными природными ресурсами, предприятиями (объединениями) и другими имущественными комплексами, а также иным имуществом, необходимым арендатору для самостоятельного

осуществления хозяйственной или иной деятельности [5].

Кроме того, проанализировав нормы Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, можно выделить три новые конструкции: непосредственно новый институт договора аренды, институт организации арендаторов и арендное предприятие. Но наряду с указанными правовыми институтами на основании норм ГК РСФСР 1964 г. существовал и традиционный договор имущественного найма (аренды). Необходимо указать на различие в концепциях данных институтов. Так, основным принципом договора имущественного найма, регулирующего общественные отношения, был принцип диспозитивного равенства. В свою очередь договор аренды предприятия заключался на основе неравного положения субъектов, стороны находились в состоянии субординации. Несмотря на существенные отличия, многие правоведы относили данные институты к институту договора аренды, называя их его особыми видами. В. С. Тимескова отмечала, что в обоих случаях имущество может быть использовано в течение определенного срока для определенных в соглашении сторон целей и представляется за плату. Кроме того, в обоих видах аренды возможно соглашение о последующем выкупе арендуемого имущества [11, с. 7].

Помимо Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, утвержденных Верховным Советом СССР 23.11.1989 № 810-1, вопросы арендных отношений регулировал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7.04.1989 № 10277-XI «Об аренде и арендных отношениях в СССР», который более подробно регламентировал объект аренды. Так, согласно его положениям объектами аренды могли быть:

- а) земля, другие природные объекты;
- б) имущество государственного, кооперативного или иного общественного предприятия (организации), структурной единицы объединения как совокупность их основных фондов, оборотных средств, других материальных ценностей и финансовых ресурсов;
- в) имущество цехов, отделений, участков, ферм, бригад, иных внутренних подразделений государственных, кооперативных и других общественных предприятий (организаций);
- г) отдельные здания, хозяйственные постройки, сооружения, сельскохозяйственная техника, оборудование, транспортные средства, рабочий и продуктивный скот и другие материальные ценности [4].

Особую роль в становлении арендных отношений сыграл утративший в настоящее время силу Указ Президента РФ от 14.10.1992 № 1230 «О регулировании арендных отношений и при-

ватизации имущества государственных и муниципальных предприятий, сданного в аренду». Именно он впервые содержал норму, дающую Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом исключительное право осуществлять полномочия арендодателя при сдаче в аренду недвижимого имущества государственных предприятий, являющихся собственностью Российской Федерации, их структурных единиц, филиалов, отделений и других обособленных подразделений предприятий. Соответствующие полномочия арендодателя были предоставлены этим указом комитетам по управлению имуществом республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов [3].

Помимо Указов Президента РФ, в целях регулирования арендных правоотношений применялись также Постановления Правительства РФ. В первую очередь необходимо отметить постановление Правительства РФ от 10 февраля 1994 г. № 96 «О делегировании полномочий Правительства Российской Федерации по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности». В соответствии с п. 5 данного постановления Государственный комитет РФ по управлению государственным имуществом наряду с иными полномочиями, предоставленными ему законодательством Российской Федерации, имел право на передачу в установленном порядке государственного имущества, относящегося к федеральной собственности, в полное хозяйственное ведение, оперативное управление, а также в аренду, пользование юридическим лицам на основе заключаемых с ними договоров. Помимо этого, Государственный комитет РФ должен был осуществлять контроль за использованием по назначению и сохранностью относящегося к федеральной собственности государственного имущества, закрепленного за федеральными предприятиями на праве полного хозяйственного ведения, за федеральными государственными учреждениями на праве опера-

тивного управления, а также переданного в установленном порядке иным лицам [2].

С учетом вышеизложенного можно сделать следующие выводы. До принятия ч. 2 ГК РФ правовое регулирование арендных отношений было весьма разнообразным и непоследовательным. Так, к указанным отношениям применялись нормы ГК РСФСР 1964 г., Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, Указа Президиума ВС СССР «Об аренде и арендных отношениях в СССР». Таким образом, вопросы арендных отношений регулировали как кодифицированные акты, так и нормы специального законодательства, в том числе подзаконные акты, в связи с чем на практике возникало немало коллизий и противоречий.

В теории и практике договор аренды воспринимался неоднозначно. С одной стороны, он оценивался как гражданско-правовой договор имущественного найма, известный римскому и дореволюционному российскому праву. Но с другой стороны, аренда считалась инструментом разгосударствления экономики и, по сути, своеобразной организационно-правовой формой создаваемых коммерческих организаций.

При разработке ч. 1 и 2 ГК РФ была сделана попытка вернуть договору аренды его нормальное цивилистическое содержание. ГК РФ устранил все имевшиеся пробелы и противоречия в действующем законодательстве. Кроме того, были упразднены большинство норм специального законодательства. Так, в соответствии со ст. 3 Федерального закона № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» с 1 марта 1996 г. на территории Российской Федерации не применяются Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде [1].

Впервые в ГК РФ был выделен особый вид договора аренды – договор аренды зданий и сооружений, что непосредственно связано с особым предметом договора, а также некоторыми особенностями, свойственными объектам недвижимого имущества – зданиям и сооружениям.

Список литературы

1. О введении в действие части второй Гражданского кодекса РФ : федер. закон от 26 янв. 1996 № 15-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 411.
2. О делегировании полномочий Правительства РФ по управлению и распоряжению объектами федеральной собственности : постановление Правительства РФ от 10 февр. 1994 г. № 96 (утратило силу) // Рос. газ. – 1994. – № 34.
3. О регулировании арендных отношений и приватизации имущества государственных и муниципальных предприятий, сданного в аренду : указ Президента РФ от 14 окт. 1992. № 1230 (утратил силу) // Рос. газ. – 1992. – № 238.
4. Об аренде и арендных отношениях в СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апр. 1989 г. № 10277-XI (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 15. – Ст. 105.
5. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде : основы законодательства от 23 нояб. 1989 г. № 810-1 (утратил силу) // Свод законов СССР. – 1989. – Ст. 50-7.
6. Брагинский М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд. – М. : Статут, 2002. – Кн. 2. – 324 с.

7. Витрянский В. В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг / В. В. Витрянский. – М. : Статут, 1999. – 300 с.
8. Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 1997. – Ч. 2. – 453 с.
9. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М. : Юриспруденция, 1996. – 464 с.
10. Свод законов Российской Империи: Свод законов гражданских: С примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10. – СПб. : Деятель, 1887. – Ч. 1. – 441 с.
11. Тимескова В. С. Правовое регулирование арендных отношений в народном хозяйстве / В. С. Тимескова. – СПб. : ЛДНТП, 1991. – 75 с.
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. ст. Е. А. Суханов. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.

Государственный (муниципальный) контракт в сфере обеспечения государственных (муниципальных) нужд

© Банеева А. С., 2019

А. С. Банеева

магистрант 1-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: boneeva@yandex.ru

Научный руководитель:

О. В. Горбач, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: olga.gorbach.2015@list.ru

Аннотация. Исследуется специфика института государственного (муниципального) контракта в сфере обеспечения государственных и муниципальных нужд. Рассмотрены особенности процедуры заключения государственного (муниципального) контракта и возникающие в ее ходе проблемы. Предложены рекомендации по совершенствованию действующего законодательства о контрактной системе.

Ключевые слова: контракт, государственный контракт, государственные нужды, заказчик, условия контракта, ответственность, правоотношения.

Интерес к теме исследования вызван необходимостью в законодательном развитии института закупок в сфере государственных (муниципальных) нужд Российской Федерации, формировании единых подходов к реализации положений контракта, созданию электронных площадок для проведения указанных видов закупок, развитию правовых отношений в данной сфере.

Этапы заключения, изменения, исполнения и расторжения государственного (муниципального) контракта регулируются Федеральным законом от 5.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

В основу данного закона, регулирующего отношения в сфере контрактной системы, легли положения Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ [1], Бюджетного кодекса РФ.

Закон № 44-ФЗ устанавливает конструкцию государственного (муниципального) контракта, которая вытекает из ряда общих условий или ступеней по заключению, содержанию, исполнению, изменению и расторжению контракта.

В соответствии со ст. 527 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) государственный (муниципальный) контракт заключается на основании государственного (муниципального) заказа на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, размещаемого в порядке, установленном законодательством о контрактной системе в сфере закупок. Для государственного (муниципального) заказчика, разместившего такой заказ, заключение государственного (муниципального) контракта является обязательным, если иное не установлено законом [2].

До вступления в правоотношения с заказчиком по государственному (муниципальному) контракту любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала или любое физическое лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, должно принять участие в процедуре определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) путем подачи заявки на участие в конкурентных способах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), таких как конкурс, аукцион в электронной форме, запрос котировок, запрос предложений [3]. Заявка на участие в закупке должна соответствовать требованиям Закона № 44-ФЗ. Порядок подачи заявки зависит от выбранного способа осуществления закупки.

Результатом проведения процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя) является заключение государственного (муниципального) контракта, направленного на обеспечение государственных (муниципальных) нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами государственного (муниципального) контракта.

Перечень закупок на очередной финансовый год и плановый период (срок всегда соответствует сроку действия федерального закона о федеральном бюджете) должен содержаться в плане-графике, составляемом заказчиком. Закупки, не предусмотренные планом-графиком, не могут быть осуществлены. Порядок составления и содержания плана-графика установлен ст. 21 Закона № 44-ФЗ. План-график является основанием для осуществления закупок для государственных (муниципальных) нужд.

При составлении государственного (муниципального) контракта заказчику необходимо включить все условия, которые являются обязательными в силу прямого указания закона. Условия соответствующей документации о закупке должны быть отражены в государственном (муниципальном) контракте, заключаемом по итогам процедуры закупки.

Для того чтобы между заказчиком и победителем закупки не возникало разногласий по поводу определения существенных условий контракта, в проект контракта, являющийся неотъемлемой частью документации о закупке, вносят информацию, относящуюся к этим условиям. Таким образом, участники закупки могут заблаговременно ознакомиться со всеми условиями будущего контракта. Такое решение является оптимальным для обеих сторон и поможет в непредвиденных ситуациях избежать судебных урегулирований разногласий.

Если одно из указанных условий не включено в государственный (муниципальный) контракт (проект контракта) или согласовано ненадлежащим образом, должностное лицо заказчика, утвердившее документацию о закупке, может быть привлечено к административной ответственности в виде наложения административного штрафа на основании ч. 4.2 ст. 7.30 КоАП РФ.

Согласно ч. 4 ст. 34 Закона № 44-ФЗ в государственный (муниципальный) контракт включается обязательное условие об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом.

Поставщик (подрядчик, исполнитель) вправе потребовать уплаты неустоек (штрафов, пеней) (ч. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ), а заказчик обязан (ч. 6 ст. 34 Закона № 44-ФЗ), это объясняется спецификой бюджетного финансирования.

Если размер пени в отношении просрочки исполнения обязательств заказчиком составляет 1/300 ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, то размер пени в отношении поставщика может быть увеличен.

Правилами определения размера неустойки не установлен перечень нарушений, за которые заказчики должны взыскивать штрафные санкции, что делает поставщиков (подрядчиков, исполнителей) зависимыми от усмотрения заказчика. Можно предположить, что такой подход объясняется стремлением государства ограничить поставщиков (подрядчиков, исполнителей) путем взыскания с них штрафных санкций.

Процесс исполнения государственного (муниципального) контракта выступает конечным этапом процедуры закупки товаров, работ, услуг

для государственных (муниципальных) нужд и представляет собой комплекс или совокупность мер по взаимодействию заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) в соответствии с п. 1 ст. 94 Закона № 44-ФЗ.

Одной из таких мер является приемка поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, включая проведение экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения обязательств, причем включение в государственный (муниципальный) контракт данных условий обязательно (ч. 13 ст. 34 Закона № 44-ФЗ).

Следует отметить, что действующее законодательство Российской Федерации не содержит норм, регламентирующих порядок проведения приемки, поэтому сторонам государственного (муниципального) контракта необходимо разрешить все вопросы проведения данной процедуры непосредственно в тексте контракта, это касается и сроков приемки поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, включая проведение соответствующей экспертизы.

По общему правилу Закон № 44-ФЗ запрещает изменять существенные условия заключенного контракта. Для изменения условий (при возникновении необходимости) в заключаемом контракте важно учесть, чтобы такая возможность была предусмотрена документацией о закупке и самим контрактом. Также нужно учитывать, что все изменения возможны только по согласованию сторон и оформляются соответствующим дополнительным соглашением, которое подписывается заказчиком и поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

В данной норме закона присутствует спорный момент, касающийся изменения условий государственного (муниципального) контракта, заключенного путем проведения запроса котировок. Буквальное толкование содержания ст. 34 и 95 Закона № 44-ФЗ не предполагает императивного запрета на применение случая увеличения объема оказываемых услуг и цены контракта для процедуры проведения запроса котировок. Но контрольные органы заключают, что положения п. 1 ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ неприменимы для контрактов, заключенных путем проведения запроса котировок, поскольку возможность изменения условий контракта должна быть предусмотрена документацией о закупке и контрактом, а при процедуре запроса котировок отсутствует такая документация.

Расторжение государственного (муниципального) контракта допускается по соглашению сторон, по решению суда, в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполне-

ния контракта в соответствии с гражданским законодательством (ч. 8 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). Для расторжения контракта по инициативе заказчика требуется, чтобы такое право было предусмотрено контрактом (ч. 9 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). Наличие данного условия подразумевает, что и у поставщика (подрядчика, исполнителя) по такому контракту возникает аналогичное право на отказ от контракта (ч. 19 ст. 95 Закона № 44-ФЗ). Но подобный механизм одностороннего отказа от исполнения контракта в основном используется заказчиками, а не поставщиками (подрядчиками, исполнителями).

Еще одним важным моментом, сказывающимся на качестве и своевременности заключения, изменения, исполнения, расторжения государственных (муниципальных) контрактов, является работа Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) и электронных площадок, так как все эти этапы контрактов проходят исключительно в ЕИС. Возрастающая нагрузка на электронные системы приводит к постоянным регламентным работам по устранению неполадок, обновлениям систем, которые по времени могут затягиваться от нескольких часов до нескольких суток, что непосредственно отражается на эффективности и своевременности деятельности по осуществлению закупок как заказчиков, так и поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

Подводя итог вышеизложенному, напомним, что система государственных закупок состоит из ряда взаимосвязанных элементов: определения государственных нужд, формирования заказов на поставку товаров (работ, услуг), размещения заказов и заключения государственных (муниципальных) контрактов, исполнения обязательств по государственным (муниципальным) контрактам. Важно отметить, что ввиду общественной значимости надлежащего исполнения государственного (муниципального) контракта необходимо создать условия, при которых стороны будут исполнять обязательства в полном объеме.

Эффективность функционирования системы закупок зависит от многих факторов, таких как: планирование закупок, финансовое обеспечение в необходимых объемах, надлежащее правовое регулирование, профессионализм чиновников, контроль за исполнением государственных (муниципальных) контрактов. Следовательно, правовое регулирование государственных закупок необходимо совершенствовать.

Так как в правовом регулировании системы государственных закупок задействованы различные отрасли законодательства: административное, финансовое, гражданское и другие, то для повышения эффективности функционирования всей системы, устранения пробелов и кол-

лизий требуется комплексное правовое регулирование на всех стадиях государственных закупок.

При определении путей повышения эффективности правовых норм о государственных (муниципальных) контрактах следует учитывать их специфические особенности. Оптимальным вариантом представляется совершенствование не соответствующих норм ГК РФ, а нормативных правовых актов о контрактной системе, принятие типовых условий контрактов, методических рекомендаций по реализации обязательств по контракту. В результате таких преобразований интересы заказчика в контракте должны быть юридически защищены, а обязанности контрагента строго обеспечены его ответственностью.

Соответственно, полагаем, что законодателю необходимо проработать вопрос о возможности изменения условий государственного (муниципального) контракта, касающихся не только выполнения работ, но и поставки товара, оказания услуг, потребность в которых была выявлена в ходе исполнения контракта.

Также законодателю необходимо урегулировать в действующей нормативной базе вопросы ответственности, устранив несоразмерность санкций для заказчиков и поставщиков (подрядчиков, исполнителей), тем самым соблюсти баланс прав и обязанностей сторон государственного (муниципального) контракта и исключить возможность неосновательного обогащения одной из сторон. То же самое касается вопроса одностороннего расторжения государственного (муниципального) контракта в части детализации признаков существенного нарушения обязательств, совершение которых является надлежащим основанием для одностороннего отказа от исполнения контракта сторонами.

На наш взгляд, следует разработать методические рекомендации об определении порядка проведения приемки поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, включая проведение экспертизы поставленного товара, результатов выполненной работы, оказанной услуги, а также отдельных этапов исполнения государственного (муниципального) контракта, которые бы широко и повсеместно применялись заказчиками на завершающем этапе исполнения обязательств, наряду с такими ныне действующими методическими рекомендациями, как применение методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденными Приказом Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567 и имеющими положительный опыт применения при формировании государственного заказа.

Совершенствование электронных информационных систем, своевременное обновление технической базы, отвечающих требованиям и темпу современного развития информационно-обеспечения в государственных закупках, позволит обеспечить бесперебойную работу всех участников по заключению и исполнению контрактов.

В связи с этим нами видится целесообразным урегулирование взаимоотношений между заказчиками, в том числе участниками закупки, технической поддержкой Единой информационной системы (ЕИС) и электронных площадок в отдельном нормативном правовом акте, поскольку за сбой работы по техническим причинам ответственность ни ЕИС, ни площадки не несут. В свою очередь заказчикам приходится доказывать контрольным органам или в судебном порядке, что нарушение сроков по размещению закупки или заключению контракта произошло по причине регламентных работ систем.

В силу своей специфики и продолжающегося развития сфера закупок содержит множество

нормативных правовых актов по обеспечению государственных (муниципальных) нужд, и их нагромождение, с одной стороны, усложняет работу заказчиков по применению норм, регулирующих процедуру определения поставщика (подрядчика, исполнителя), с другой стороны, такое регулирование призвано конкретизировать и детализировать особенности закупок в зависимости от их предмета, упорядочить действия заказчиков и участников закупок, привить культуру отношений между заказчиками и участниками закупок. Грамотное и качественное начало процедуры закупок должно приводить к эффективному, экономному и качественному исполнению государственного (муниципального) контракта.

Государственный (муниципальный) контракт должен стать действенным инструментом в руках государства, умелое использование которого может способствовать росту национальной экономики.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая : федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апр. 2013 № 44-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

О некоторых проблемах квалификации преступных посягательств в отношении персональных данных

© Вологодина Е. С., 2019

Е. С. Вологодина

магистрант 1-го курса, Юридический факультет, Забайкальский государственный университет; e-mail: ek.antsiferowa@yandex.ru

Научный руководитель:

Н. Г. Казанцева, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и таможенного дела, Юридический факультет, Забайкальский государственный университет; e-mail: ngsav@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы квалификации преступных посягательств в отношении личной информации – персональных данных. Представлен анализ правоприменительной и судебной практики, уделяется внимание вопросам применения отдельных статей Уголовного кодекса РФ в исследуемой сфере.

Ключевые слова: персональные данные, преступные посягательства, уголовно-правовая охрана, частная жизнь, личная и семейная тайна, режим конфиденциальной информации.

Одной из актуальных проблем и потребностей современного общества в условиях информационного взаимодействия и активного участия граждан в этом процессе является защита прав человека, в том числе права на защиту личной информации от преступных посягательств.

Необходимо отметить тот факт, что на сегодняшний день вопросам обеспечения защиты персональных данных придается особое значение. Разрабатывается нормативно-правовая база в исследуемой сфере, где особую роль играет Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Нормы закона определяют порядок регулирования отношений в сфере обработки персональных данных [2], в том числе с использованием информационных телекоммуникационных систем, что, несомненно, положительно влияет на развитие института защиты персональных данных, повышение уровня взаимодействия участников рассматриваемых правоотношений. Однако процесс информатизации имеет обратную сторону – наряду с положительными изменениями возможны и негативные последствия, такие как использование персональных данных в противоправных целях. Это, в свою очередь, ставит вопрос об обеспечении уголовно-правовой охраны персональных данных на новом уровне.

В контексте повсеместной автоматизации процесса обработки личной информации персональные данные часто становятся объектом преступных посягательств. Как отмечает Совет Безопасности РФ, государство в информационной сфере подвергается множеству угроз. Так, например, при полной обработке персональных данных с использованием информационных телекоммуникационных систем увеличивается

число преступлений, затрагивающих не только неприкосновенность частной жизни, но и личную и семейную тайну. Критерий выделения таких угроз очевиден, поскольку информационная среда наиболее уязвима для преступных посягательств, в ходе которых личная информация (персональные данные) часто выступает предметом преступления.

Вышесказанное подтверждается случаями неправомерного распространения персональных данных в деятельности как органов государственной власти, так и негосударственных структур. Так, на практике имеют место прецеденты несанкционированного распространения персональных данных, в том числе в сети Интернет. Общественный резонанс получила ситуация, связанная с размещением на сайте Gazefar.net предложения о предоставлении услуги бесплатного доступа к базе данных ГИБДД, а именно сведениям о государственных номерах автомобилей, личным данным водителей и владельцев транспортных средств, телефонным номерам со всеми абонентами различных операторов сотовой связи, а также базе данных социальной сети «Одноклассники» с паролями и электронными адресами зарегистрированных лиц. В этих действиях напрямую просматривается противоправное посягательство на исследуемый объект.

Также известен случай нарушения конституционного права граждан, произошедший в июле 2011 г., когда в открытый доступ поисковой системы «Яндекс» с сайта оператора сотовой связи «Мегафон» было отправлено почти 8 тысяч смс-сообщений [6], частично содержащих информацию о паспортных данных абонентов.

В настоящее время уголовный закон включает составы преступлений за незаконное соби­рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации [1]. Согласно положениям ст. 137 УК РФ объективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни может выражаться в таких действиях, как незаконный сбор данных, касающихся частной жизни, их незаконное распространение, в том числе использование в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. При этом следует отметить, что обязательным элементом объективной стороны следует рассматривать причинение вреда неотъемлемым правам и установленным законодательством интересам граждан.

Важным является тот факт, что УК РФ не содержит определения термина «персональные данные» для целей уголовного права, хотя уголовный закон им оперирует. В уголовно-правовом аспекте персональные данные выступают прежде всего как признак составов преступлений. Что, несомненно, приводит к непониманию сущности составов преступлений правоприменителем, неполной либо неправильной оценке обстоятельств, а в некоторых случаях нежеланию пострадавших субъектов персональных данных заявлять о правонарушении. В этой связи преступные посягательства в отношении личной (персональной) информации не всегда могут быть правильно квалифицированы правоприменительными органами с учетом уголовного закона.

При квалификации преступных посягательств в отношении персональных данных одна из проблем заключается в антиномичности нормы ст. 272 УК РФ и нормы ст. 137 УК РФ, что подтверждается отдельными примерами из судебной практики. Следует назвать приговор Менделеевского районного суда Республики Татарстан, вынесенный в отношении гражданина П., который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ [3]. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах: гражданин П., находясь у себя дома, обладая познаниями в области информационных технологий, с использованием программного обеспечения IPScanner произвел несанкционированный вход в персональный компьютер гражданки Р. И, обнаружив два графических файла с изображением обнаженной Р., осознавая, что совершает незаконное соби­рание сведений о частной жизни Р., состав-

ляющих ее личную тайну, без ее согласия, нарушая ее конституционные права на неприкосновенность частной жизни, произвел их копирование в свой персональный компьютер. Далее гражданин П., находясь в глобальной сети Интернет, являющейся средством массовой информации, будучи участником группы MENDELEEVSK ANONYMOUS GOSSIPS в социальной сети «Вконтакте», осознавая общественную опасность своих действий и предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде нарушения конституционных прав гражданки Р. на неприкосновенность частной жизни и желая их наступления, действуя с прямым умыслом, направленным на нарушение неприкосновенности частной жизни, из личной заинтересованности обратил на себя внимание других участников указанной группы, с целью распространения сведений о частной жизни последней направил личное сообщение администратору указанной группы от имени «Максим Максимов», под которым зарегистрирована Р., ранее добытые незаконным путем два графических файла с изображением обнаженной Р., которые были размещены на странице группы MENDELEEVSK ANONYMOUS GOSSIPS. Этим П. совершил незаконное распространение сведений о частной жизни гражданки Р., составляющих ее личную тайну, без ее согласия [Там же].

В другом деле – Октябрьского районного суда г. Архангельска – усматривается иная квалификация действий виновного. Судом установлено, что Б., находясь в жилище О., просматривая личные вещи О. в тайне от нее, обнаружил компакт-диск с записанными на нем личными фотографиями последней, где О. была запечатлена в нижнем белье, а также частично обнаженной, которые являются сведениями о частной жизни гражданки О., составляющими ее личную тайну. Далее Б., действуя умышленно, с целью незаконного соби­рания сведений о частной жизни О., составляющих ее личную тайну, присвоил указанный компакт-диск себе, не получив на это согласие О., для дальнейшего использования и просмотра данных фотографий, нарушил тем самым ее право на тайну частной жизни [4]. В связи с этим гражданин Б. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137 и ч. 1 ст. 272 УК РФ.

Таким образом, анализ судебной практики показал, что имеют место приговоры, в которых суды по-разному применяют в указанной части нормы УК РФ. Считается, что при применении уголовного закона подобные вариации недопустимы, поскольку существенным образом нарушают принцип единообразия судебной практики и могут влиять на реализацию основного принципа уголовного права – законности.

Кроме того, отметим, что некоторые авторы занимают однозначную позицию по поводу квалификации рассмотренных прецедентов. Например, Ю. В. Гаврилин в научно-практическом комментарии поясняет, что «в тех случаях, когда неправомерный доступ к компьютерной информации выступает способом совершения другого умышленного преступления, а электронно-вычислительная техника используется как орудие для достижения преступной цели, содеянное должно быть квалифицировано по совокупности преступлений» [7]. Данной позиции придерживаются другие авторы: И. А. Юрченко [10], Р. Р. Гайфутдинов [8].

В судебной практике известны случаи, когда в результате преступных посягательств на персональные данные может пострадать право на тайну переписки. Беспрецедентным случаем нарушения гарантированных ч. 2 ст. 23 Конституции РФ прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну следует назвать ситуацию, когда гражданин К., используя специальные технические средства для негласного получения информации, совершил незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни гражданки П. Сведения были получены без ее согласия, публично продемонстрированы и составляли ее личную тайну. Отметим, что гражданин К. совершил преступление с использованием своего служебного положения, поскольку, занимая должность главного инспектора таможенного органа – таможенного поста, он имел доступ в служебные помещения таможни и возможность обращаться к вышестоящим должностным лицам. Суд его действия квалифицировал по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 137 и ч. 2 ст. 138 УК РФ.

Как мы видим, неправомерное распространение персональных данных совершается специальными субъектами – должностными лицами либо государственными служащими, использующими свое служебное положение.

Следующая проблема, отмечают некоторые исследователи, обусловлена отсутствием единого подхода к применению мер ответственности за преступления против личности и компьютерные преступления, в случае если соответствующие персональные данные содержались на компьютерном носителе [9, с. 182]. Данный факт вполне очевиден.

На практике усматриваются случаи, когда злоумышленники могут получить доступ к персональным данным, используя технические средства подбора персональных идентификаторов пользователя различных интернет-ресурсов и вредоносные программы, и для достижения преступного умысла производить несанкционированное копирование информации с персо-

нальной страницы пользователя. Известны лишь отдельные решения судов в указанной сфере. Одним из таких является приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода, вынесенный еще в 2010 г. [5]. В ходе расследования установлено, что гражданин К. разместил на открытом для свободного доступа интернет-ресурсе «ВКонтакте», на персональной странице, незаконно созданной им от имени потерпевшей В., сведения о частной жизни В., составляющие ее личную и семейную тайну. Объективная сторона заключалась в следующих действиях: гражданин К., используя персональный компьютер и вредоносную программу, являющуюся техническим средством подбора персональных идентификаторов пользователя почтовой системы – паролей, с целью негласного получения информации относительно В., действуя из личных неприязненных отношений к ней, подобрал индивидуальный пароль, используемый потерпевшей, после чего без согласия и ведома В. получил доступ к ее персональным данным и произвел несанкционированное копирование информации с персональной страницы пользователя. Продолжая свою преступную деятельность, умышленно, с целью подорвать репутацию В., желая унижить ее честь и достоинство, для публичной демонстрации, без ведома и согласия последней разместил на открытом для свободного доступа интернет-ресурсе «ВКонтакте», на персональной странице, незаконно созданной им от имени потерпевшей, сведения о частной жизни потерпевшей, составляющие её личную и семейную тайну, а именно – фотографию, сведения о фамилии, имени, месте рождения, семейном положении, месте учёбы [Там же]. Так, приговором суда гражданин К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 273 и ч. 2 ст. 129 УК РФ.

Вышеназванный случай подтверждает общеизвестный факт того, что на сегодняшний день социальные сети реализуют собственную политику конфиденциальности в отношении личной информации пользователя. Такая политика предоставляет возможность пользователю самостоятельно устанавливать пределы доступности его личной информации, т. е. режим конфиденциальности, а также определять объем своих данных, которые должны быть сокрыты от третьих лиц либо быть общедоступными. В связи с этим, исходя из особенностей действия правового режима конфиденциальной информации, режим персональных данных, размещаемых в различных социальных сетях, напрямую будет зависеть от настроек конфиденциальности, установленных самим пользователем. В связи с этим, как отмечалось ранее, уголовно-правовой охране должны подлежать только те

персональные данные, в отношении которых пользователем установлены настройки конфиденциальности, поскольку уголовное дело возбуждается за незаконное распространение общедоступных персональных данных, видимых абсолютно всем пользователям социальной сети. Кроме того, общественная опасность преступных посягательств в отношении персональных данных заключается в нарушении права человека на личную тайну, неприкосновенность информации о нем, которая не может быть общедоступна и разглашена третьим лицам. В связи с этим органы предварительного расследования и суд при разрешении дел указанной категории должны установить, входили ли персональные данные потерпевшего в состав информации о его личной или семейной тайне.

Таким образом, проведенный анализ судебной и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что институт персональных данных динамично развивается в условиях информационного взаимодействия и активного участия граждан в этом процессе и является относительно новым в российской правовой системе, вследствие чего возникает множество дискуссионных вопросов, касающихся реализации регулирующих его законодательных норм, что приводит к ошибкам и спорным ситуациям в правоприменении.

Анализ объективных признаков преступных посягательств в отношении персональных данных позволяет согласиться с тем, что правоприменителем ещё не в полной мере усвоен институт персональных данных в действующем информационном законодательстве для целей применения уголовного закона. Кроме того, нормы уголовного права не в полной мере учитывают специфику исследуемого института. Считаем, что уголовно-правовая охрана со стороны уголовного закона должна производиться с учётом определённых особенностей, установленных иными нормами законодательства. Деятельность, связанная с защитой личных (персональных) данных гражданина, требует особого комплексного подхода, который должен сочетать применение эффективных, действенных правовых, организационных и технических мер. Это позволит решить одну из главных проблем, состоящую в латентном характере посягательств на частную жизнь граждан, их личную и семейную тайну, поскольку чаще всего субъект может и не догадываться о незаконном сборе, обработке, хранении, уничтожении и передаче его персональных данных, а также о внесении в эти данные преднамеренных искажений. В связи с этим имеются перспективы дальнейшего совершенствования законодательства и судебной практики в проекции на институт персональных данных.

Список литературы

1. Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.
3. Приговор Менделеевского районного суда Республики Татарстан от 12.02.2014 по делу № 1-16/2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения 31.03.2019).
4. Приговор Октябрьского районного суда г. Архангельска от 20 янв. 2012 г. по делу № 1-14/2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru> (дата обращения 30.03.2019).
5. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 18 авг. 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospravosudie.com/court-oktyabrskij-rajonnyj-sud-g-belgoroda-belgorodskaya-oblast-s/act-102866635> (дата обращения 29.03.2019).
6. Абонент временно общедоступен // Коммерсантъ. – 2011. – 19 июля. 1
7. Гаврилин Ю. В. Научно-практический комментарий к статье 272 УК РФ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
8. Гайфутдинов Р. Р. Уголовно-правовая характеристика посягательства на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2014. – № 4, т. 156. – С. 158-164.
9. Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Сергей Иосифович Гутник. – Владивосток, 2017. – 241 с.
10. Юрченко И. А. Нарушение неприкосновенности частной жизни // Чёрные дыры в рос. законодательстве. – 2002. – № 2. – С. 75-79.

Значение судебной практики в сфере защиты трудовых прав работников при выявлении дефектов трудового права

© Гришанин А. Ю., 2019

А. Ю. Гришанин

студент 3-го курса, Уральский государственный юридический университет; e-mail: grishanin_aleksandr_98@mail.ru

Научный руководитель:

С. Ю. Головина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права, Уральский государственный юридический университет; e-mail: tp@usla.ru

Аннотация. Поднимаются вопросы о необходимости устранения дефектов трудового законодательства с помощью анализа судебной практики. Отсутствие в трудовом законодательстве необходимых конструкций вынуждает суды прибегать к нормам ГК РФ. Делается вывод о целесообразности внесения изменений и дополнений в трудовое законодательство.

Ключевые слова: защита трудовых прав работников, трудовые споры, судебная практика, дефекты законодательства, аналогия права.

В сфере защиты трудовых прав значение судебной практики трудно переоценить. Судебное решение прежде всего является актом защиты индивидуальных прав и охраняемых законом интересов спорящих сторон, обеспечивает властным предписанием защиту нарушенного или оспоренного права [15, с. 30–32]. Изучение содержания постановлений высших судебных органов, а также обзоров и обобщений судебной практики показывает, что положения, выработанные судебными органами, имеют особую ценность. В связи с чем судебная практика выступает дополнительным, вспомогательным регулятором общественных отношений [14, с. 38–39].

Судебная практика является важным средством направления деятельности всех органов и лиц при разрешении индивидуального вопроса, спора, касающегося субъекта, в процессе которого нормативными актами допускается определенная доля их усмотрения. Внимание к проблемам судебной практики не должно ослабевать [15, с. 168–169].

На правовые позиции органов судебной власти ссылаются для разрешения противоречий, правовых коллизий. С помощью судебной практики восполняются пробелы в праве [12, с. 246]. Утверждение, что многие положения, выработанные судебной практикой, были возведены в ранг закона [13, с. 142], актуально и сегодня.

Представляется, что судебная практика может и должна являться неким индикатором неточностей и дефектов, возникающих в праве. При этом анализ материалов судебной практики должен включать решение следующих задач:

1) выявление противоречия в судебной практике при применении конкретной нормы права;

2) тщательный анализ правоприменения и определения смысла, вкладываемого законодателем;

3) внесение изменений в соответствующий нормативный правовой акт.

Так, Федеральным законом от 30.06.2006 № 90-ФЗ [1], ст. 192 Трудового кодекса РФ [2] (далее – ТК РФ) была дополнена ч. 5: «При наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен». Однако данное положение первоначально было сформулировано в п. 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 17.03.2004 № 2 [3]: «В этих целях работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие... о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка, обстоятельства, при которых он был совершен...».

Материалы судебной практики широко используются при выстраивании правовых позиций сторонами трудового спора. В то же время приведение в подтверждение своих заявленных требований участниками спора неединообразных судебных актов вряд ли однозначно будет способствовать принятию решения в их пользу. Неоднократно проблема отсутствия единообразной судебной практики обозначалась на уровне руководства страны [18].

Представляется, что единообразие в судебной практике может быть достигнуто лишь тогда, когда применяемая норма не допускает различного толкования.

Но иногда суды при осуществлении правосудия в сходных ситуациях, руководствуясь одними и теми же нормами права, различно их трактуют и принимают диаметрально противоположные решения. Это обосновывается несо-

вершенством юридической техники или наличием пробела в праве, преодоление которого затруднительно. Представляется, что в такой ситуации практика выступает как индикатор в плане устранения дефектов права.

Ряд спорных моментов, неоднозначно разрешаемых судами, возникает при решении вопроса о правомерности увольнения работника. Например, в споре об увольнении за прогул работника, вызванного в рабочее время для допроса в качестве свидетеля в СК РФ, суд первой инстанции установил уважительную причину отсутствия работника на рабочем месте. Доводы апелляционной жалобы работодателя о злоупотреблении работником правом Волгоградский областной суд оценил, указав, что непредъявление оправдательного документа является нарушением трудовой дисциплины, но не может повлечь за собой увольнение за прогул, не может быть расценено как злоупотребление правом по смыслу п. 27 Постановления Пленума ВС РФ № 2 от 17.03.2004 [5].

Аналогичной позиции придерживался Самарский областной суд, установивший, что если отсутствие работника было вызвано уважительной причиной (например, нетрудоспособностью), увольнение за прогул является незаконным, даже если документы, подтверждающие уважительность причины, были представлены после увольнения, а объяснения причины не получены [8].

В то же время ряд судов признает увольнение за прогул при непредоставлении работником документов, подтверждающих уважительность причины его отсутствия на рабочем месте, правомерным, мотивируя свою позицию злоупотреблением со стороны работника [6; 7; 9].

По мысли Ю. П. Орловского, при вынесении решений по разрешению трудовых споров суды не могут ссылаться на злоупотребление правом одной из сторон трудовых отношений, так как указанные отношения не могут регулироваться нормами гражданского законодательства [17, с. 9].

Однако ВС РФ в Постановлении Пленума № 2 от 17.03.2004 оперирует данным понятием, что представляется спорным. В указанной ситуации возникла проблема противоположной судебной практики по сходным решениям. ТК РФ необходимо дополнить новой статьей, аналогичной ст. 10 ГК РФ, определяющей понятие и условия злоупотребления правом в сфере трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений и учитывающей существующую судебную практику, в том плане, чтобы была создана реальная возможность единообразного толкования новой нормы.

Применение гражданского законодательства при разрешении трудовых споров является от-

дельной проблемой. Так, суд при разрешении спора о признании предписания государственного инспектора труда незаконным ссылаясь на ст. 401 ГК РФ. ОАО объявило о приостановлении работы с оплатой простоя в размере 2/3 тарифной ставки (ч. 2 ст. 157 ТК РФ), обосновывая решение отсутствием заказов из-за снижения спроса. Инспектор вынес предписание об оплате простоя работников в размере 2/3 их среднемесячного заработка, ссылаясь на то, что простой возник по вине работодателя (ч. 1 ст. 157 ТК РФ). В удовлетворении иска о признании предписания незаконным суд отказал, мотивируя тем, что работодатель как субъект предпринимательской деятельности освобождается от ответственности в случае обстоятельств непреодолимой силы, к которым снижение спроса не относится (п. 3 ст. 401 ГК РФ). В пункте 3 ст. 401 ГК РФ идет речь об ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности, а не об исполнении обязанности работодателя в трудовых отношениях. Отношения работодателя и работника не могут являться предпринимательскими, перед работниками общество несет не ответственность по смыслу ст. 401 ГК РФ, а обязанность по ч. 2 ст. 157 ТК РФ.

Несмотря на указанные аспекты, это один из примеров, когда суды считают, что простой – это вина работодателя, так как он должен организовать свою деятельность таким образом, чтобы обеспечить работников работой [4; 10; 11].

В то же время на практике встречаются и другие решения, когда суды поддерживают работодателей, отправивших работников в простой с оплатой в размере 2/3 тарифной ставки (оклада) [16, с. 52–61]. Представляется, что ст. 157 ТК РФ должна быть дополнена новой частью, разъясняющей, что следует понимать под виной работодателя в простое.

Таким образом, законодателю следует учитывать неоднозначную судебную практику, которая сигнализирует о дефектах правового регулирования трудовых отношений. Необходимо внесение изменений в трудовое законодательство, которые позволили бы отойти от применения аналогии гражданского права в тех случаях, когда оно неоправданно и сложившиеся отношения могут быть урегулированы уже имеющимися нормами трудового права.

Деятельность судов по разрешению трудовых споров имеет своей целью охрану и защиту прав, свобод и законных интересов лиц в сфере труда. Единообразие судебной практики необходимо для эффективной защиты трудовых прав, поэтому предложенные рекомендации представляются одним из приоритетных направлений реформирования трудового законодательства в данной сфере.

Список литературы

1. О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федер. закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 27. – Ст. 2878.
2. Трудовой кодекс РФ : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Рос. газ. – 2004. – № 72.
4. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 31 окт. 2013 г. № 33-3566/2013 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_87855 (дата обращения: 10.04.2019).
5. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 17 мая 2012 г. № 33-4749/12 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trudovoikodeks.ru/praktika/praktika_iniz_rd_6_81_a_res113.shtml (дата обращения: 10.04.2019).
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2014 г. № 33-22374 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/126253694/> (дата обращения: 10.04.2019).
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 2 февр. 2016 г. № 33-1787/2016 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.referent.ru/7/280628> (дата обращения: 10.04.2019).
8. Апелляционное определение Самарского областного суда от 17 июля 2014 г. № 33-6919/2014 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trudovoikodeks.ru/praktika/praktika_iniz_rd_6_81_a_res112.shtml (дата обращения: 10.04.2019).
9. Кассационное определение Самарского областного суда от 1 марта 2012 г. № 33-1437/2012 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.trudovoikodeks.ru/praktika/praktika_iniz_rd_6_81_a_res115.shtml (дата обращения: 11.04.2019).
10. Кассационное определение Тульского областного суда от 10.11.2011 № 33-3848/2011 [Электронный ресурс]. – URL: http://infocourt.ru/car_obsud-tula_tulskobl_cfo/gr/4343143/kassacionnoe-opredelenie-ot-10112011-ro-delu-33-3848.html (дата обращения: 11.04.2019).
11. Решение Приморского районного суда Архангельской области от 30 июля 2010 г. № 2-959/2010 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gcourts.ru/case/2261093> (дата обращения: 11.04.2019).
12. Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : Юридлит, 2009. – 361 с.
13. Безина А. К. Судебная практика и трудовое право / А. К. Безина, В. И. Никитинский // Судебная практика в советской правовой системе. – М., 1975. – С. 142–72.
14. Безина А. К. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих / А. К. Безина, А. А. Бикеев, Д. А. Сафина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1984. – 136 с.
15. Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений / А. К. Безина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 183 с.
16. Жильцов М. А. Как судебная практика преодолевает дефекты трудового права // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2010. – № 6. – С. 52–61.
17. Орловский Ю. П. Трудовое право не ответило на вызов экономического кризиса // Труд. право. – 2009. – № 3. – С. 5–9.
18. Семинар-совещание председателей судов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343> (дата обращения: 10.03.2019).

Требования, предъявляемые к судебному эксперту в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Молдова

© Дразина А. Ю., 2019

А. Ю. Дразина

студент 4-го курса, Институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; e-mail: anastasiya.d.u@mail.ru

Научный руководитель:

А. В. Верещагина, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; e-mail: vereschagina_alla@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются требования, которым должен соответствовать эксперт для проведения исследований в определенной области по уголовному делу согласно законодательству Республики Молдова. Особенность регулирования указанной сферы (в Республике Молдова) заключается в системе актов, содержащих общие требования к эксперту и специальные требования, характеризующие процессуальный статус.

Ключевые слова: судебный эксперт, требования к эксперту Республики Молдова, уголовный процесс Республики Молдова, эксперт как участник в уголовном процессе Республики Молдова, экспертная деятельность.

В Республике Молдова действуют специальный закон «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта», введенный 14 апреля 2016 г. [4], содержащий общие требования к профессиональной деятельности эксперта, а также акт, включающий специальные требования, характеризующие процессуальный статус эксперта. Актуальность исследования определяется наличием требований, предъявляемых к экспертам, привлекаемых к уголовному делу, и содержащихся в требованиях особенностей, характеризующих экспертную деятельность, в законодательстве Республики Молдова.

Исследование проводилось посредством формально-логического и компаративного методов.

Целью исследования является рассмотрение требований к судебно-экспертной деятельности в законодательстве Республики Молдова.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать требования, предъявляемые к экспертам, закрепленные в Законе Республики Молдова;
- выявить особенности требований, предъявляемых к экспертам;
- рассмотреть мнения ученых об экспертной деятельности в законодательстве Республики Молдова.

В законодательстве Республики Молдова имеется система актов, содержащих общие и специальные требования к профессиональной деятельности эксперта:

1) Закон «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта», введенный 14 апреля 2016 г. [4], включающий организационные требования, предъявляемые к судебному эксперту;

2) уголовно-процессуальное законодательство, закрепляющее процессуальный статус эксперта [7];

3) Кодекс этики судебного эксперта [5], характеризующий особенности профессиональной деятельности.

Статья 40 Закона Республики Молдова «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» закрепляет организационные (общие) требования, которым должно соответствовать лицо, претендующее на занятие экспертной деятельностью: является гражданином Республики Молдова; владеет румынским языком; является полностью дееспособным; имеет диплом лицензиата (академическая степень; квалификация) или равнозначный документ об образовании по специальности, для которой испрашивается квалификация судебного эксперта; для получения статуса эксперта судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы – диплом о высшем специальном образовании и о поступившем в университетском образовании через резидентуру/мастерат; для получения статуса судебного эксперта судебно-криминалистической экспертизы – диплом лицензиата или равнозначный документ об образовании и квалификационное удостоверение по соответствующей специализации; прошел профессиональную стажировку по экспертной специальности, для которой испрашивается квалификация судебного эксперта; годен по состоянию здоровья для исполнения обязанностей судебного эксперта по специализации, для которой испрашивается квалификация судебного эксперта; не имеет судимости; имеет безупречную репутацию [4].

В указанном законе содержится термин «судебный эксперт» и его определение: лицо, ква-

лифицированное и в соответствии с законом уполномоченное для производства экспертиз и формулирования выводов по специальности, в которой оно авторизовано, в отношении определенных фактов, обстоятельств, предметов, явлений и процессов, тела человека и человеческой психики и включенное в Государственный реестр судебных экспертов [4].

Термин «судебный эксперт» подразумевает специальные требования, которым должно соответствовать лицо, осуществляющее необходимые исследования: лицо, обладающее определенной квалификацией; уполномоченное лицо; лицо, авторизованное по определенной специальности; лицо, включенное в Государственный реестр судебных экспертов.

Рассмотрим более подробно содержание требований.

Первый критерий представляет собой **оценку квалификационно-оценочной комиссии**.

Комиссия формируется из судебных экспертов первой или высшей категории [4]. По результатам проведенного квалификационного экзамена лицу присваивается квалификация с правом производства судебных экспертиз (ч. 7 ст. 43).

Следующий критерий – **уполномоченное лицо** – означает, что лицо имеет право осуществлять производство экспертизы в соответствии со специальным Законом «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта», уголовно-процессуальным кодексом, уголовным кодексом и иными актами, регламентирующими профессиональную деятельность эксперта.

Критерий **лицо, авторизованное по определенной специальности**, подразумевает, что лицу, успешно сдавшему квалификационный экзамен, присваивается определенная специальность, в которой эксперт будет осуществлять профессиональную деятельность.

В законодательстве Республики Молдова выделенные требования «уполномоченное лицо» и «авторизованное лицо» являются самостоятельными.

Последний критерий, который мы выделили из понятия «судебный эксперт» – **лицо, «включенное в Государственный реестр судебных экспертов»**.

Согласно Закону Республики Молдова «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» Государственный реестр судебных экспертов представляет собой учет судебных экспертов, который ведется Министерством юстиции [4].

Таким образом, можно увидеть, какие требования являются «составляющими» для получения лицом статуса «судебный эксперт», уполномоченный производить экспертизу.

Специальный Закон «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» Республики Мол-

дова содержит организационные требования, предъявляемые к лицу, претендующему на получение статуса «судебный эксперт», уголовно-процессуальным законодательством Молдовы.

Несмотря на то что уголовно-процессуальным законом не выделяются конкретные требования к экспертной деятельности, их можно обозначить, исходя из понятия «эксперт», которое дано в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Молдова, а именно «лицо, обладающее глубокими специальными знаниями в определенной области, уполномоченное в установленном законом порядке производить экспертизу» [7].

Из изложенного в ст. 6 указанного процессуального акта можно выделить лишь два критерия: уполномоченное лицо; лицо, обладающее специальными знаниями (квалифицированное лицо).

По нашему мнению, применительно к лицу, привлекаемому в качестве участника в уголовном процессе, следует закрепить требования как к эксперту в том случае, когда требуется произвести экспертизу по уголовному делу. Например, в качестве обязательных ввести такие требования, как знания в области исследований крови и других следов (поскольку в большинстве случаев эксперт привлекается для изучения пятен различного происхождения, в том числе следов крови); знания в области анатомии, биологических веществ (для установления внешних и внутренних признаков, свидетельствующих о наступлении смерти).

Представим ситуацию: в судебном процессе при рассмотрении уголовного дела по ч. 1 ст. 145 УК Республики Молдова (умышленное убийство) [6] требуется проведение определенного вида экспертизы, но в дальнейшем выясняется, что эксперта для дачи экспертного заключения не имеется по причине того, что ни один эксперт не может провести исследование, в связи с чем суд сталкивается с необходимостью поиска эксперта для дачи экспертного заключения в соответствии с законом.

Ученые высказывают различные мнения о том, какие требования являются обязательными, а какие факультативными. Например, Г. В. Вершицкая полагает, что необходимым условием для производства экспертизы следует считать «авторизованность», и подчеркивает, что «допуск к участию в производстве судебных экспертиз по уголовным делам лиц, обладающих специальными знаниями, с различным уровнем их профессиональной подготовки, аттестованных и не аттестованных на право самостоятельного производства судебной экспертизы, лиц, необоснованно именуемых «экспертами», является не чем иным, как дискриминацией привлеченных к ответственности лиц (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых)» [2, с. 44].

Думается, что мнение Г. В. Вершицкой является неверным, поскольку привлекаться для производства экспертизы могут только лица, прошедшие необходимую проверку в соответствии с законодательством Республики Молдова.

Солидарен с позицией Г. В. Вершицкой Р. Г. Амбарцумов, отмечая, «что использование в уголовном судопроизводстве не аттестованных в установленном порядке на право самостоятельного производства экспертизы лиц, обладающих специальными знаниями, является дискриминацией лиц, привлечённых к уголовной ответственности, так как принципы правосудия не допускают использование в процессе судопроизводства в отношении привлечённых к ответственности лиц экспертов с различной квалификацией и уровнем компетентности» [1]. Р. Г. Амбарцумов подчеркивает, что необходимым требованием является аттестация в установленном порядке лиц на право осуществлять производство экспертизы. Но в то же время, по его мнению, в соответствии с принципами правосудия, является недопустимым осуществление деятельности судебных экспертов, имеющих различную квалификацию и уровень компетентности.

С точки зрения Г. В. Вершицкой и Р. Г. Амбарцумова, обязательным критерием для производства экспертизы является «авторизованность», но это не означает, что лица не должны проходить проверку в соответствии с вышеуказанными требованиями.

В. А. Кирилов замечает, что «в профессиональной деятельности судебно-медицинского эксперта проявляются как свойства, присущие любой медицинской специальности, так и свойства, характеризующие работу эксперта как особый вид медицинской деятельности, связанный с производством судебных экспертиз и участием в следственных действиях» [3, с. 79]. Тем самым ученый предлагает ввести обязательное требование в виде нравственных качеств судебного эксперта, привлекаемого в уголовном деле.

Исходя из того, что эксперт привлекается в уголовном судопроизводстве в качестве одного

из участников для проведения исследований, следует отметить, что при взаимодействии с участвующими в уголовном деле лицами эксперту необходимо соблюдать этические нормы и не выходить за рамки закона. В противном случае эксперту заявляется отвод, что влечет недействительность произведенной экспертизы и составленного экспертного заключения.

Помимо обозначенных актов, нельзя не учитывать положения Кодекса этики судебного эксперта от 5 сентября 2018 г. № 870. Данный кодекс представляет собой совокупность норм профессионального и морального поведения судебных экспертов [5], что является неотъемлемым требованием, особенно при взаимодействии судебного эксперта как с судебными органами, так и с участниками процесса.

При изучении требований законодательства Республики Молдова мы пришли к выводу, что для проведения исследований в рамках уголовного дела эксперт обязан руководствоваться актами, регулирующими его профессиональную деятельность.

Из изложенного выше можно сделать следующие выводы.

Обозначенные в Законе «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» требования, предъявляемые к эксперту для производства экспертизы, являются организационными (общими), а Уголовно-процессуальный кодекс содержит специальные требования, характеризующие процессуальный статус лица, являющегося судебным экспертом.

Условия, установленные в законодательстве Республики Молдова для осуществления экспертами необходимых исследований, по нашему мнению, являются достаточно жесткими, что позволит провести тщательный отбор кандидатов на осуществление экспертной деятельности.

В литературе ведутся дискуссии между учеными относительно требований, предъявляемых к лицам, направленных на производство экспертизы.

Список литературы

1. Амбарцумов Р. Г. Шаг вперед, два шага назад или «Негосударственные эксперты» и «Негосударственные судебно-экспертные учреждения» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravorub.ru/articles/30552.html>.
2. Вершицкая Г. В. Правовые особенности осуществления негосударственной экспертной деятельности // Вестн. ПАГС. – 2014. – № 2. – С. 41–46.
3. Кирилов В. А. Нравственные аспекты профессиональной деятельности судебно-медицинских экспертов // Науч.-мед. вестн. Центр. Черноземья. – 2015. – № 60. – С. 79–82.
4. О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта : закон Респ. Молдова от 14 апр. 2016 г. № 68 (ред. от 24.05.2018 г.) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. – URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=86142.
5. Об утверждении Кодекса этики судебного эксперта : постановление Правительства Респ. Молдова от 5 сент. 2018 г. № 870 [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=110454.
6. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. № 985-XV (ред. от 15.11.2018 г.) [Электронный ресурс]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=378;-155.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова : закон Респ. Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (ред. от 29.11.2018 г.) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. – URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833.

Гражданско-правовые риски для российского бизнеса в условиях международных санкций

© Исаченко А. М., 2019

А. М. Исаченко

студентка 1-го курса МПО, Юридический институт, Иркутский государственный университет; Sun_ann777@mail.ru

Научный руководитель:

Р. Ю. Хертуев, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; rommmaa@list.ru

Аннотация. Поднимаются вопросы влияния международных санкций на российский бизнес. Приводятся примеры негативных правовых последствий применения санкций в отношении российских компаний. Анализируются виды гражданско-правовых рисков по внешнеторговым сделкам в условиях международных санкций и способы их минимизации.

Ключевые слова: международные санкции, ограничительные меры, гражданско-правовые риски, применимое право, объект санкционного воздействия.

Тема международных санкций, вводимых в отношении отдельных физических и юридических лиц, а также целых государств со стороны других государств и международных организаций, не является новой. Одним из первых санкционных законов США был Закон о торговле с враждебными государствами, принятый в 1917 г. Этот закон ограничивал экономическое содействие с другими странами по политическим причинам. В Российской Федерации основным нормативным актом, регулирующим данную сферу, является Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». Если постараться дать общее определение, то международные санкции по сути являются инструментом осуществления внешней политики, который призван стимулировать и принуждать субъекты международного права в лице отдельных государств или международных организаций к правомерному поведению в случае, если действия этих субъектов международного права угрожают интересам мирового сообщества или вопросам международной безопасности. Санкции в отношении отдельного государства, как правило, предполагают введение ограничительных мер различного характера в отношении его граждан или юридических лиц.

Если кратко описать применяемые ограничительные меры, например, в рамках различного рода американских санкций, введенных в отношении российских физических и юридических лиц, то их список будет следующим:

- 1) заморозка активов лица, находящегося под действием санкций;
- 2) запрет на въезд в США;
- 3) ограничение экспорта товаров в отдельных секторах экономики;

4) ограничение доступа к источникам финансирования в США;

5) запрет для граждан и компаний США вступать в экономические взаимоотношения с российскими физическими и юридическими лицами из санкционных списков.

В отличие от дипломатических инструментов внешней политики и, более того, военных мер, санкции, как видно из приведенного выше списка ограничительных мер, содержат в себе прежде всего явно выраженный экономический вектор, действие которого направлено на причинение материального ущерба объекту санкционного воздействия. Объектом санкционного воздействия, или лицом, находящимся под режимом санкций, в контексте настоящей статьи следует понимать российское юридическое или физическое лицо, в отношении которого введены санкции со стороны иностранного государства или международной организации. Санкции – относительно недорогой, но при этом достаточно эффективный и тонко настраиваемый инструмент, который позволяет в режиме постепенного наращивания ограничений или их отмены вызывать желаемые ответные действия лица, находящегося под режимом санкций.

На практике часто можно наблюдать нелегитимный подход в вопросе применения инструмента санкций крупными мировыми державами. Ярким примером этому утверждению служат санкции Соединенных Штатов Америки, планомерно вводимые в течение последних нескольких лет в отношении Российской Федерации под различными предлогами, но по существу с целью подрыва суверенитета России, ограничения роста ее политического и экономического влияния в мире [6]. США, используя различные информационные поводы относи-

тельно Российской Федерации, манипулируют фактами и общественным мнением с помощью подконтрольных средств массовой информации, в результате появляются некие обоснованные причины введения санкций для борьбы за экономические и политические интересы представителей международного сообщества, которые страдают якобы из-за неправомерных действий Российской Федерации на международной арене. Однако при внимательном рассмотрении несложно заметить, что санкции против России применяются Западом в качестве средства политического давления, а также оружия конкурентной войны за глобальные рынки сбыта. Одним из последних примеров такого рода служит законопроект, принятый в марте 2019 г. Нижней палатой конгресса США, который называется «О европейской энергетической безопасности и диверсификации 2019 г.». В документе говорится, что он направлен на оказание помощи европейским и евразийским государствам в уменьшении их зависимости от энергетических ресурсов таких стран, как Российская Федерация, которая использует природный газ для принуждения, подавления и влияния на другие правительства. Однако в действительности данный законопроект ставит своей целью увеличение американских инвестиций на европейском энергетическом рынке и рост американского экспорта технологий. Если непредвзято проанализировать и прочие американские санкционные акты, то какие бы поводы ни использовали США при их введении против Российской Федерации, будь то аннексия Крыма, война в Донбассе, вмешательство в выборы в США или «дело Скрипалей», везде присутствует подмена целей санкционного давления. На данный момент количество санкций, введенных США против Российской Федерации, запредельно. Президент Барак Обама с 12 апреля 2013 г. по 9 января 2017 г. ввел против Российской Федерации 555 различного рода санкций, в свою очередь президент США Дональд Трамп ввел с 1 июня 2017 г. по 15 марта 2019 г. 233 санкции. В черных списках находятся не только крупные банки и корпорации, такие как «Сбербанк» и «Роснефть», но и малоизвестные небольшие предприятия или научные организации.

По существу, международные санкции превратились в новый вид предпринимательского риска для российских компаний, в частности гражданско-правового риска по внешнеэкономическим сделкам. Необходимо понимать, что в условиях санкционного давления отечественный бизнес должен в короткие сроки научиться эффективно работать с нормативно-правовой базой, а также судебной и административной практикой тех стран, которые вводят санкции,

как на этапе подготовки внешнеэкономических контрактов, так и в случае развития неблагоприятных сценариев с целью минимизации экономических и репутационных потерь.

Рассмотрим далее, в чем же заключаются основные риски санкций для российского бизнеса с гражданско-правовой точки зрения.

Основным инициатором введения санкций в отношении России являются США, за ними следуют Европейский союз и примкнувшие к нему страны, список которых постоянно пополняется. Основным виток санкционного давления Запада на Россию можно отнести к поворотному 2014 г. в связи с событиями в Крыму. По этому основанию в США санкции были введены исполнительными приказами Президента США и подзаконными актами Департамента казначейства [9]. В структуре Департамента казначейства имеется подразделение OFAC (Office of Foreign Assets Control), администрирующее список лиц, в отношении которых введены санкции, так называемый SDN List (Specially Designated Nationals and Blocked Persons List). В SDN List попадают и те компании, участниками которых с долей владения в размере более 50 % уставного капитала являются лица, уже внесенные в SDN List. В Европейском союзе санкции вводятся постановлениями Совета ЕС. Как и в случае с США, в европейский санкционный список автоматически попадают компании, которые находятся под контролем лиц, прямо включенных в список. Однако критерии контроля в данном случае не основываются на доле участия, а учитывают возможность лиц из санкционного списка назначать более половины членов совета директоров. Несмотря на различие формулировок в санкционных актах США и ЕС, по сути речь в них идет об одних и тех же ограничительных мерах, которые включают в себя: замораживание активов; запреты на въезд, на совершение сделок с лицами из санкционных списков; запрет на вступление в стовор для уклонения от санкций. Что касается замораживания активов: под активами понимаются любые вещи, в том числе деньги, акции, права требования. Заметим, что объекты санкций не теряют права собственности на замороженные активы, однако не имеют права ими распоряжаться. Контрагенты лиц, попавших под санкции, в свою очередь, не вправе исполнять сделки. Банки не имеют права осуществлять переводы в пользу лиц из санкционного списка. Под запрет попадают и сделки, совершающиеся с компаниями, от которых лицо из санкционного списка может получать потенциальную выгоду. В списке таких компаний могут оказаться, например, субподрядчики или агенты объекта санкций. Более того, могут встретиться проблемы с обращением в арбитраж

ражные суды стран, которые ввели санкции. Важно упомянуть и о таком запрете, как запрет на «обход» санкций. Несложно догадаться, что в условиях санкций компании пытаются переустраивать договорные конструкции с учетом действующих ограничений. Необходимо внимательно анализировать возможность изменения договорных конструкций в каждой отдельной ситуации, так как надзорные и судебные органы тех стран, которые ввели санкции, имеют право свободно отнести их к действиям в «обход» санкций.

Если резюмировать сказанное выше, то необходимо признать, что весь комплекс ограничительных мер в рамках действующих и планируемых к введению западных санкций действительно становится одним из наиболее значительных факторов, влияющих как на жизнеспособность отдельных субъектов российского бизнеса, так и на экономическую устойчивость Российской Федерации в целом. Обещанная Правительством Российской Федерации поддержка в виде государственного заказа компаниям, пострадавшим от санкций, в настоящее время не является повсеместной практикой [2].

Таким образом, российским компаниям и предпринимателям приходится самостоятельно искать способы предупреждения негативных последствий от действия санкций и защиты нарушенных прав. Показательна в данном случае ситуация, в которой оказались компании холдинга О. Дерипаски, в частности «Русал» – крупнейший мировой производитель алюминия. После введения санкций в отношении компании, обеспечивающей более 350 тыс. рабочих мест, ее акции подешевели сразу на 50 %. Государство в срочном порядке пообещало предоставить всесторонние меры поддержки компании О. Дерипаски, однако реальной помощи не последовало.

9 декабря 2018 г. Минфин США уведомил Конгресс о своем намерении прекратить санкции в отношении компании «Русал». Что же произошло и как О. Дерипаске удалось добиться такого решения от Минфина США? Основным способом защиты интересов компании был выбран административный способ снятия санкций, который закреплен в американском законодательстве [7]. Административный подход подразумевает, что лицо, включенное в санкционный список, может направить запрос, в данном случае в OFAC, как главный орган, администрирующий санкционный режим, на исключение его из списка по причине отсутствия или недостаточности оснований для введения против него ограничительных мер. Также физическое лицо, находящееся под санкциями, может предложить обеспечительные меры в отношении контролируемой им компании, также попавшей под

санкции по критерию ее подконтрольности лицу из санкционного списка, в виде выхода или увольнения из компании, передачу доли этой компании другому неподконтрольному ему лицу и прочее. Если говорить кратко, то в рамках защиты интересов компании О. Дерипаски был разработан план из трех пунктов:

- 1) снижение доли О. Дерипаски в структуре капитала компании;
- 2) исключение его из советов директоров холдинга;
- 3) замещение в совете директоров представителей О. Дерипаски независимыми директорами.

В результате решение OFAC о прекращении санкций в отношении компании «Русал» было вынесено после восьми месяцев переговоров.

Вообще, если сравнивать административный и судебный способы защиты российской компании или предпринимателя от влияния именно американских санкций, то второй метод кажется менее предпочтительным [10]. Например, санкции против компании «Русал» были введены судебным решением. К тому же в ходе судебных заседаний обычно проводится процедура досудебного раскрытия информации, в рамках которой предоставляются дополнительные сведения о компании, что может сработать против ее позиции. Более того, сложно представить, что американские суды по искам российских компаний об исключении их из санкционных списков будут принимать положительные решения, поскольку такие решения фактически будут идти вразрез с той жесткой политикой, которую за последние годы США проводят в отношении Российской Федерации. Также эти решения могут поставить под сомнение обоснованность, а вероятно, и правомерность действий американских ведомств, ответственных за принятие санкционных актов в отношении Российской Федерации. Кроме этого, в отличие от европейских судебных инстанций, американские суды не связаны стандартами Европейской конвенции по правам человека. В свою очередь, в административных процедурах лица, попавшие под американские санкции, с целью снятия с них санкционных ограничений могут обращаться в OFAC, который открыт к диалогу, отвечает на вопросы заявителей и координирует с ними свои действия.

По поводу судебного способа защиты интересов российского бизнеса в условиях санкций необходимо сделать еще одно ключевое замечание о том, что перспективы судебных процессов значительно зависят от применимого права. Применимое право – это совокупность правовых норм того или иного государства. В соответствии с ч. 2 ст. 1210 ГК РФ соглашение сторон о выборе

права должно быть закреплено в договоре. Вообще, в настоящее время российские законы стали более удобными как для правового регулирования сделок, так и для разрешения различного рода предпринимательских споров именно в российском суде. На это повлияли Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», а также изменения в ГК РФ, в результате которых появилась возможность применения новых договорных конструкций: опционы, заверения об обстоятельствах и т. д. К примеру, суды начали удовлетворять требования о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ). Для дополнительного снижения возможных гражданско-правовых рисков российской стороне выгодно согласовать в договоре с иностранным контрагентом подсудность российскому арбитражному суду, при этом лучше указать на конкретное арбитражное учреждение во избежание проблем с доказыванием компетенции суда в случае спора. Если договор подписан в двух двуязычных экземплярах, то полезно указать, что редакция на русском языке имеет преимущественную силу, чтобы не было возможности у противоположной стороны оспорить формулировки. Также российское право позволяет предусмотреть в договоре с иностранным контрагентом санкционную оговорку. Если иностранный партнер отказывается от применения российского права, следует рассмотреть возможность применения права той страны, национальное законодательство которой не предусматривает санкции, согласовать рассмотрение спорных ситуаций в нейтральной стране. Заметим, что стороны могут выбрать применимое право вне зависимости от их местонахождения. В настоящее время все большее количество международных договоров заключаются с использованием азиатских юрисдикций. Например, правовая система Гонконга в своей основе имеет английское право, которое, как известно, является одним из самых удобных и востребованных при заключении международных контрактов.

Рассмотрим имеющиеся гражданско-правовые риски в рамках российского права.

Основной вопрос в связи с этим: могут ли санкции явиться обстоятельством непреодолимой силы и, как следствие, основанием неисполнения договора? Ответ на этот вопрос зависит прежде всего от условий конкретного договора и имеющихся запретов [3]. Существует ст. 416 ГК РФ, согласно которой обязательства прекращаются невозможностью исполнения. Являются ли санкции тем обстоятельством, которое делает невозможным исполнение договорных обязательств одной из сторон? Характеризуются ли санкции независимостью от действий сторон,

непреодолимостью и постоянством? Если первое условие в отношении санкций соблюдается, то остальные два, вероятно, подлежат дополнительной оценке. Например, в рамках собственных полномочий OFAC при обращении заявителя может предоставить специальное разрешение на исполнение уже заключенной сделки, т. е. преодолеть действие санкций. Помимо этого, существует вероятность отмены санкций, следовательно, и критерий постоянства может быть неоднозначно оценен судом в конкретной ситуации. Также можно обратить внимание на ст. 417 ГК РФ как основание прекращения обязательства на основании акта государственного органа. Применение ст. 417 ГК РФ представляется невозможным [5]. Государственные санкционные акты иностранных государств не являются актами, признаваемыми Российской Федерацией, следовательно, в рамках российского права эти акты не могут быть положены в основу судебного решения. И, конечно же, не стоит забывать, что в рамках российского права существует возможность взыскания неосновательного обогащения, если таковое имело место у одной из сторон договора.

В качестве итогов проведенного выше анализа влияния международных санкций на российский бизнес хотелось бы привести ряд необходимых мер для минимизации гражданско-правовых рисков при осуществлении российскими компаниями внешнеэкономических сделок.

Российской компании следует проявлять должную осмотрительность при подготовке внешнеэкономической сделки [8], а именно провести проверку в отношении иностранного контрагента до момента заключения сделки на предмет его правового статуса, а также выяснить, не находится ли он в процессе реорганизации, ликвидации или банкротства в своей стране. С этой целью можно получить выписку из реестра юридических лиц в стране контрагента и копии его учредительных документов. Указанные документы можно получить на официальных государственных сайтах. Например, в Великобритании аналогом российского ЕГРЮЛ является Companies House, который находится на соответствующем сайте.

Кроме этого, рекомендуется внимательно проанализировать корпоративную структуру и учредительные документы компании на предмет попадания ее владельцев или иных контролирующих компанию лиц в санкционные списки. Напомним, что под ограничения могут попасть те компании, которые более чем на 50 % принадлежат лицам из санкционного списка, или если у данных лиц имеется возможность принимать решения по составу совета директоров.

Далее рекомендуется проанализировать секторальные санкции. Например, в настоящее время существуют ограничения на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования для глубоководного бурения, добычи сланцевой нефти и нефти в условиях Крайнего Севера. Значит, необходимо четко понимать, что это за оборудование и относится ли предмет сделки к таким типам оборудования.

Российской компании при подготовке внешнеэкономической сделки необходимо постараться включить в контракт положения о применимом праве в виде либо российского права, либо права той страны, в котором национальное законодательство не предусматривает санкций. Также российской стороне выгодно

согласовать в контракте подсудность российскому арбитражному суду с указанием конкретного арбитражного учреждения. Если договор подписан в двух двуязычных экземплярах, то полезно указать, что редакция на русском языке имеет преимущественную силу. Помимо этого, важно предусмотреть санкционную оговорку, устанавливающую правовые последствия для сторон в случае введения санкций.

Для исключения из американских санкционных списков или получения временных разрешений на исполнение уже действующих внешнеэкономических сделок российской компании рекомендуется выбирать административный метод защиты интересов в форме диалога с OFAC.

Список литературы

1. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Ветров И. Господдержка так и не пришла? Кто поможет пострадавшим от санкций компаниям? [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/08/03/11881717.shtml?updated>.
3. Голова И. Позвольте оговориться. Международные контракты «обрастают» деталями // Рос. газ. – 2015. – Спецвып. – № 6683.
4. Кононенко Д. Ф. Влияние экономических санкций на характер исполнения внешнеэкономического контракта [Электронный ресурс] // Отрасли права: аналит. портал. – 2017. – 15 апр. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/23786>.
5. Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 21 дек. 2005 г. № 104 // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
6. Панов А. Это ясный сигнал нашим противникам // Нов. газ. – 2019. – № 17.
7. Примаков Д. 3. Как реагировать на американские санкции: опыт российских миллиардеров [Электронный ресурс]. – URL: <https://legal.report/kak-reagirovat-na-amerikanskije-sankcii-opyt-rossijskih-milliardеров/>.
8. Пучков С. Юридические последствия ограничений для внешнеторговых и внутренних контрактов [Электронный ресурс] // Экономика и жизнь. – 2015. – № 15. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/278957/>
9. Самохвалов А. Международные санкции в связи с политической ситуацией. Реальные риски российских компаний [Электронный ресурс] // Юрист компании. – 2014. – № 7. – URL: <https://e.law.ru/344153>
10. Удар ниже листинга – США включают максимально жесткий санкционный режим [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/business/607347>.

Перспективы реформирования уголовно-исполнительной системы

© Калашников А. Е., 2019

А. Е. Калашников

магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: irk05ay@mail.ru

Научный руководитель:

М. А. Сутурин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: mialsu@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы. Проводится анализ существующих в настоящее время перспектив, особое внимание уделяется совершенствованию государственной политики и идеологии, направлениям воспитательной работы, а также модернизации охраны уголовно-исполнительных учреждений. Исследуются нормативные правовые акты, лежащие в основе реформирования уголовно-исполнительной системы, вопросы практической реализации мероприятий, предусматриваемых законодателем в рамках процесса реформирования.

Ключевые слова: пенитенциарная система, концепция реформирования уголовно-исправительной системы, мультирежимное исправительное учреждение.

Концептуальная идея реформирования и развития уголовно-исполнительной системы России в XXI в. предусматривает следующие перспективы:

1) совершенствование уголовно-исполнительной политики (организации исполнения наказаний), направленной на ресоциализацию осужденных;

2) изменение структуры уголовно-исполнительной системы, создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы, а также отказ от коллективной формы содержания осужденных;

3) осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного;

4) изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы с усилением психолого-педагогической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе;

5) разработка форм воспитательной работы, организация образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания;

6) модернизация и оптимизация системы охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов, укрепление материальной базы следственных изоляторов, исправительных учреждений, уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров;

7) повышение эффективности управления уголовно-исполнительной системой, в том числе с учетом формирования современной инфра-

ционной и телекоммуникационной инфраструктур;

8) расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы;

9) обеспечение необходимого уровня социальной защиты работников уголовно-исполнительной системы;

10) внедрение современных технологий и технических средств в практику исполнения наказаний;

11) совершенствование ведомственного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы, обеспечение гласности и подконтрольности уголовно-исполнительной системы институтам гражданского общества, создание условий для участия общественности в решении стоящих перед системой задач [1].

Реформирование отечественной системы исполнения наказаний в настоящее время осуществляется в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г. (далее – Концепция) [4] и Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)» [6].

Детальное изучение этих документов приводит к выводу о том, что законодателем действительно поставлена цель – приведение условий содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в соответствие с законодательством Российской Федерации и международными нормами. Однако разработанного пути достижения этой цели нет.

Как нам представляется, связано это с тем, что в условиях ограниченных материальных ресурсов

рациональный способ реформирования уголовно-исполнительной системы пока не найден.

В 2010 г. была принята полноценная Концепция с утвержденным перечнем мероприятий и графиком их реализации, но разработанная программа была «оторвана от реальности», за что ее и критиковали специалисты.

Несмотря на благие намерения реформаторов, строительство 721 учреждения нового типа не представлялось возможным, ведь даже по официальным данным на это могло потребоваться около 2 млрд руб., устанавливались нереальные сроки. Но Концепция обоснованно критиковалась и по другим основаниям. Например, ею не были закреплены нормы санитарной площади для заключенных, проживающих в общих помещениях. Переломным моментом в судьбе Концепции послужили события в исправительной колонии № 6 г. Копейска Челябинской области в ноябре 2012 г. [9], ставшие предметом общественного расследования членов Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и прав человека. Председателем Правительства РФ Дмитрием Медведевым 9 сентября 2013 г. было подписано Распоряжение Правительства РФ № 1616-р, по которому должна быть образована межведомственная рабочая группа по выработке предложений, направленных на корректировку отдельных положений указанной выше Концепции.

Первое заседание по корректировке Концепции состоялось 22 января 2014 г., а завершающее – 23 декабря 2014 г., на котором был сформирован итоговый вариант проекта, корректирующий положения Концепции. В Концепцию изменения были внесены только 23 сентября 2015 г.

По результатам корректировки «европейские стандарты» в тексте Концепции заменили на «международные». Сделано это в связи с тем, что не было ясности, на какие европейские документы следует ориентироваться, наиболее вероятным вариантом толкования были Европейские пенитенциарные правила от 2006 г., но требования, закрепленные в этом документе, очень высокие, и для нашей страны они пока не осуществимы, в частности по нормам санитарной и жилой площади в следственных изоляторах и непосредственно в исправительных учреждениях [2].

Согласно тому же источнику информации, из текста Концепции исчезли положения второй главы, касающиеся перепрофилирования системы учреждений. Таким образом, кардинальные преобразования так и остались на бумаге. Вместо этого в проекте появилась следующая формулировка «постепенное снижение количества осужденных, содержащихся в одном помещении».

К сожалению, из текста Концепции исчезли положения о необходимости развития постпе-

нитенциарной помощи заключенным в целях укрепления их позиций на пути к законному поведению. С момента вступления в силу Концепции данные мероприятия не проводились.

Если в первоначальном документе планировалось к 2017 г. завершить строительство 26 изоляторов, условия содержания в которых должны соответствовать «европейским стандартам», то после корректировки идет речь о 14 изоляторах, условия содержания в которых соответствуют «международным стандартам» [7].

Таким образом, Правительство Российской Федерации отказалось от реализации наиболее затратных и эффективных мероприятий в тот момент, когда большая часть из них должна была быть выполнена. Из этого можно сделать вывод, что руководство уголовно-исполнительной системы не планировало реализовать положения Концепции.

В целом процессы, протекающие сегодня в уголовно-исполнительной системе, можно трактовать следующим образом: руководство ФСИН России, Минюст, а также Правительство осознают острую необходимость кардинальных и комплексных преобразований в местах лишения свободы, проекты таких преобразований готовы, но реальной возможности их осуществить сегодня и ближайшей перспективе пока нет.

С учетом сложившейся ситуации возможным вариантом «экономного» реформирования исправительных учреждений может стать решение о создании комплексных исправительных учреждений.

Комплексное исправительное учреждение – это специализированное государственное учреждение, состоящее из отдельных изолированных участков (помещений) с установленными в них самостоятельными требованиями порядка и условий отбывания наказания, предназначенное для содержания осужденных, в том числе и к различным видам наказания, а также оказания на них исправительного воздействия с помощью закрепленных в законе средств исправления [3].

Учеными-пенитенциаристами

В. И. Селивановым и В. А. Уткиным был введен термин «мультирежимное исправительное учреждение». В. А. Уткин, разъясняя данный термин, указывает на то, что такие учреждения состоят из:

- а) частей одного исправительного учреждения;
- б) отдельных корпусов одного исправительного учреждения;
- в) отдельных помещений одного исправительного учреждения;
- г) изолированных участков [8, с. 7].

Создание подобного рода учреждений (переквалификация) соответствует Мини-

мальным стандартным правилам обращения с заключенными 1955 г., Европейским пенитенциарным правилам 1987 г., а также практике исполнения уголовных наказаний в зарубежных странах. Правовые основы создания комплексных исправительных учреждений были заложены с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), определившего несколько условий отбывания лишения свободы в рамках одного вида режима. Правовые основы более широкой «гибридизации» были обусловлены поправками в УИК РФ 2001–2003 гг. Данные поправки предусматривали возможность создания в одной исправительной колонии изолированных участков с различными видами режимов (2001 г.), а также позволили формировать в воспитательных колониях самостоятельные изолированные участки, которые функционировали как исправительные колонии общего режима (2003 г.). Согласно ч. 2 ст. 74 УИК РФ в редакции Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 219-ФЗ в исправительных колониях могут создаваться изолированные участки с различными видами режима, а также изолированные участки, функционирующие как тюрьма.

Проводимый в некоторых субъектах страны эксперимент по созданию исправительных центров, организационно объединяющих несколько отрядов, является одним из этапов на пути по образованию мультирежимных исправительных учреждений.

Действующее законодательство и практика деятельности отдельных исправительных учреждений предусматривают функционирование следующих участков внутри одного исправительного учреждения:

- участок колонии-поселения;
- участок тюрьмы;
- участок колонии общего вида режима при воспитательной колонии;
- участок лечебно-исправительного либо лечебно-профилактического учреждения;
- участок СИЗО или помещения, функционирующие в режиме СИЗО (ПФРСИ);
- участок строгих условий отбывания лишения свободы (СУС);
- участок для осужденных, содержащихся в облегченных условиях отбывания лишения свободы.

По мнению ученых, существующая отрядная система не обеспечивает эффективной реализации принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и дифференцированного исправительного воздействия на осужденных. В связи с этим требуется переход на иные формы организации исполнения лишения свободы, в частности создание в структуре исправительных учреждений участков для

содержания различных классификационных групп и категорий осужденных. Расширение практики создания изолированных участков решает задачу дифференциации осужденных.

Таким образом, организация комплексных исправительных учреждений представляет собой возможность для уголовно-исполнительной системы России дифференцировать содержание осужденных без реформирования системы учреждений, что, как представляется, вполне реально в краткосрочной перспективе.

В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» за счет имеющей штатной численности осуществлен комплекс мероприятий по созданию органов и учреждений уголовно-исполнительной системы на территории Крымского федерального округа. В учреждениях иных субъектов Российской Федерации было сокращено 1423 единицы штатной численности, из них должностей начальствующего состава – 945 единиц.

В настоящее время количество лиц, содержащихся в следственном изоляторе Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым и г. Севастополю, превышает установленный лимит его наполнения в 1,8 раза. Кроме того, указанный следственный изолятор требует реконструкции из-за несоответствия режимных корпусов, построенных в 1803 и в 1965 гг., требованиям уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Федеральным законом от 7.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в российскую систему наказаний введен новый вид наказания – принудительные работы. В связи с тем что начало применения нового вида уголовного наказания неоднократно переносилось, многие специалисты ожидали, что исполнение наказания в виде принудительных работ будет в очередной раз отложено, однако согласно ст. 8 указанного Федерального закона уголовное наказание в виде принудительных работ подлежит назначению и исполнению с 1 января 2017 г.

Первые исправительные центры были открыты на базе реформируемых колоний в Тюменской области, Ставропольском крае, Тамбовской области и Приморском крае. В скором времени будут открыты изолированные участки для исполнения наказания в виде принудительных работ в Башкирии, Забайкальском крае, Самарской, Смоленской, Архангельской, Новосибирской областях и в Карелии. На сегодняшний

день максимальная численность осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах, не превышает 1 тыс. человек.

Таким образом, сегодня преждевременно говорить о результатах реализации принудительных работ или о существующих недостатках. В целом же расширение видов наказаний, альтернативных лишению свободы, является весьма значимым обстоятельством для отечественной уголовно-исполнительной системы. Как уже ранее было отмечено, расширение практики применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (содержанием в исправительных колониях), является основной задачей развития и преобразования уголовно-исполнительной системы России в рамках текущей реформы.

В конце 2016 г. завершилась реализация федеральной целевой программы развития уголовно-исполнительной системы 2007–2016 гг., в связи с чем 23 декабря 2016 г. Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым была утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)» [5], которая должна прийти на смену федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 гг.)». Все усилия завершившейся программы были направлены прежде всего на улучшение условий содержания лиц, заключенных под стражу, однако целевые показатели были достигнуты не более чем наполовину.

Согласно утвержденной в 2016 г. Концепции Правительство РФ и ФСИН России в первую очередь будут добиваться показателей, которых не удалось достичь в ходе исполнения предыдущей федеральной целевой программы.

Однако самой интересной особенностью принятой Концепции является то, что Правительством РФ до настоящего момента не решен вопрос о порядке и объеме финансирования запланированных мероприятий, при этом самой Концепцией предусматриваются три варианта. Первый вариант предполагает выделение

средств федерального бюджета в размере 96 500 млн руб. (является наиболее предпочтительным, по мнению разработчиков Концепции); по второму варианту предполагается выделение средств федерального бюджета в размере 167 297,923 млн руб.; по третьему – 54 943,65 млн руб.

При этом определение объема финансирования из федерального бюджета будет зависеть от инфляционных процессов в российской экономике и сложившихся потребностей территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний в учреждениях уголовно-исполнительной системы, учреждений уголовно-исполнительной системы – в объектах обеспечения их надлежащего и бесперебойного функционирования. Конкретный перечень мероприятий и необходимый объем финансирования будут установлены при разработке проекта программы. Однако возникает вопрос когда, кем и в какие сроки будет разработана и утверждена программа? Формально ее реализация началась 1 января 2017 г.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации отсутствует эффективная программа развития и реформирования как системы исполнения наказаний в целом, так и исправительных учреждений в частности. Остается надеяться на то, что в ближайшее время будет принята федеральная целевая программа развития уголовно-исполнительной системы на 2017–2025 гг.

Представляется, что реформирование уголовно-исполнительной системы в будущем главным образом будет зависеть от состояния экономики Российской Федерации. В условиях экономической неопределенности Правительству РФ, руководству ФСИН России, администрациям исправительных учреждений, общественным наблюдателям необходимо сосредоточиться на задаче обеспечения соблюдения прав и свобод осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Список литературы

1. Андреев Ю. В. Реформа уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Право. – 2015. – № 4 (359), вып. 41. – С. 93–98.
2. Бабушкин А. Итоговое заседание рабочей группы по корректировке концепции реформирования УИС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prison.org/content/itogovoe-zasedanie-rabochey-gruppy-po-korrektirovke-koncepcii-reformirovaniya-u-is> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Горбань Д. В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуал. вопр. борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 38–43.
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р // Собр. законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.
5. Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (2017–2025 гг.)»: утв. распоряжением Правительства РФ от 23 дек. 2016 г. № 2808-р // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 2, ч. 2. – Ст. 413.

6. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017-2025 гг.)»: распоряжение Правительства РФ от 23 дек. 2016 г. № 2808-р // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 2, ч. 2. – Ст. 413.

7. Сологуб Н. Заключенным заменили «европейские» условия на «международные» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rusplt.ru/society/zaklyuchennyim-zamenili-evropeyskie-usloviya-na-mejdunarodnyie-13068.html> (дата обращения: 16.03.2019).

8. Уткин В. А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестн. Кузбас. ин-та. – 2014. – № 4 (21). – С. 9-18.

9. Филимонов О. В. О концептуальных вопросах развития уголовно-исполнительной системы России // Уголовно-исполнительная политика, законодательство и право: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов круглого стола / под ред. В. И. Селиверстова. – М., 2014. – С. 33-35.

Избирательные комиссии в Российской Федерации: актуальные вопросы регулирования правового статуса

© Котельников А. Д., 2019

А. Д. Котельников

студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: adk8897@yandex.ru

Научный руководитель:

Ф. С. Галенпольский, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: enso35@gmail.com

Аннотация. Анализируются наиболее актуальные, по мнению автора, вопросы, связанные с определением правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации. Исследуются характерные проблемы избирательных комиссий различных уровней системы, предлагаются возможные способы их решения.

Ключевые слова: правовой статус, избирательная комиссия, избирательное законодательство.

Свободные выборы являются залогом устойчивого функционирования правового демократического государства. Их особая роль подчёркивается в ч. 3 ст. 3 Конституции РФ, которая признаёт этот институт высшим непосредственным выражением власти народа наряду с референдумом [1]. Одним из важнейших аспектов обеспечения надлежащей подготовки и проведения выборов является наличие упорядоченной системы органов, осуществляющих данную деятельность в соответствии с законом. В России такими компетентными органами являются избирательные комиссии различного уровня. Согласно п. 1 ст. 20 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях...») их система представлена Центральной избирательной комиссией РФ, избирательными комиссиями субъектов РФ, избирательными комиссиями муниципальных образований, окружными избирательными комиссиями, территориальными избирательными комиссиями, и, наконец, участковыми избирательными комиссиями, замыкающими эту иерархию [6]. На протяжении многих лет как теоретики, так и практикующие юристы в сфере избирательного права выделяют целый ряд вопросов, касающихся правового статуса избиркомов различного уровня. В рамках данной работы эти вопросы будут рассмотрены с точки зрения возможности совершенствования правового регулирования в соответствующей сфере.

Прежде всего необходимо определить, что представляет собой правовой статус избирательных комиссий. С. А. Авакьян даёт такое определение статуса в праве: это оформленное нормативным правовым актом положение органа, организации, объединения, должностного лица, личности (гражданина) [3, с. 593]. В данное

понятие включается характеристика природы этих субъектов, их место в системе общественных отношений и других субъектов права, важнейшие права и обязанности, а также формы (порядок) их реализации и принимаемые при этом акты или совершаемые действия. Некоторые авторы сужают это понятие применительно к избирательным комиссиям, относя к элементам их правового статуса, во-первых, полномочия и компетенцию и, во-вторых, порядок формирования и организации деятельности, а также правовые гарантии (принципы) деятельности комиссий [6, с. 57].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим статус избирательных комиссий, является уже упоминавшийся ФЗ «Об основных гарантиях...». И уже здесь возникает первая проблема: многие исследователи отмечают необходимость конституционного закрепления статуса избирательных органов в России. В действующей Конституции отсутствует глава об избирательной системе, а нормы о выборах разбросаны по всему тексту (ст. 3, 32, 81, 96 и др.), что часто рассматривается как её недостаток, поскольку соответствующие главы (разделы) имелись во всех Конституциях РСФСР, начиная с первой, принятой в 1918 г. Восстановление этой традиции позволило бы повысить самостоятельную значимость избирательных комиссий, избавив их от возможных ограничений со стороны законодателя. В пользу этого говорит и опыт стран бывшего СССР. В основных законах большинства из них изначально также не было обособленных норм, посвящённых избиркомам. Однако в Узбекистане под влиянием конституционно-правовой доктрины в 2014 г. ст. 117 Конституции была значительно дополнена положениями о Центральной избирательной комиссии, закрепившими конституционные основы её статуса и принципов деятельности [4, с. 19]. Другие

республики идут по пути компенсации конституционного «молчания» принятием отдельных законов о избирательных органах (Украина) либо избирательных кодексов, обособленно регулирующих в том числе и статус избирательных комиссий (Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова), что является весьма прогрессивным методом, к которому следует присмотреться и российскому законодателю. Кроме того, не все исследователи признают целесообразным объединение таких правовых институтов, как выборы и референдум, в рамках одного федерального закона, поскольку, несмотря на сходство в процессуальных моментах и принадлежность к институтам прямой (непосредственной) демократии, в материальном смысле они довольно различны и требуют обособленного правового регулирования [5, стр. 14]. Предлагаемое в этой связи разделение законодательства напрямую затрагивает статус избирательных комиссий на всех существующих уровнях, которые в силу положений действующего ФЗ «Об основных гарантиях...» выступают также и комиссиями референдума.

Центральная избирательная комиссия РФ определяется в ст. 21 ФЗ «Об основных гарантиях...» как федеральный государственный орган, организующий подготовку и проведение выборов, референдумов в Российской Федерации в соответствии с установленной компетенцией. Её статус довольно подробно урегулирован в названном законе. Ряд исследователей считает, что основной проблемой на данном уровне является отсутствие требования о наличии высшего юридического образования или учёной степени в области права для членов ЦИК, существовавшего до 2007 г. в изначальной редакции п. 5 ст. 21 ФЗ «Об основных гарантиях...». Сейчас для вхождения в состав Центризбиркома достаточно иметь любое высшее образование. Вместе с тем это не совсем соответствует требованиям ряда международных договоров Российской Федерации, которые ориентируют стран-участниц на создание системы обособленных избирательных органов, отвечающих требованиям профессионализма и беспристрастности, а эти условия достигаются прежде всего за счет формирования избирательных комиссий из специально подготовленных профессиональных кадров. Однако в целом можно отметить, что правовой статус как ЦИК, так и избирательных комиссий субъектов РФ, урегулирован наиболее полно и в связи с этим не вызывает острой потребности в реформировании. Основная же масса проблем относится к правовому статусу комиссий нижестоящих уровней.

Главным вопросом, связанным с избирательными комиссиями муниципальных образо-

ваний, является их отсутствие в большинстве муниципалитетов страны. Формирование такого органа оказывается дополнительной нагрузкой для местных бюджетов, поэтому чаще всего полномочия муниципального избиркома возлагаются на одну из территориальных комиссий, действующих в границах муниципального образования. Так, в Иркутской области муниципальные избирательные комиссии действуют только в г. Иркутске и Нижнеудинском муниципальном образовании. Интересен и пример других регионов, например Белгородской области, где законодатель пошёл «от обратного», сформировав муниципальные избирательные комиссии во всех городских округах и муниципальных районах, на которые затем были возложены полномочия ТИК [7, с. 24]. Вопрос необходимости избирательных комиссий муниципальных образований является дискуссионным. Прежде всего отмечается их обособленность от чётко соподчинённой системы: ЦИК РФ – избирательные комиссии субъектов РФ – территориальные комиссии – участковые комиссии. Порядок формирования муниципальных комиссий значительно отличается от порядка формирования территориальных комиссий, с которыми они в результате фактически сложившейся во многих субъектах Российской Федерации ситуации находятся приблизительно на одном уровне. Однако муниципальная комиссия является не государственным органом, а муниципальным, причём не входящим в структуру органов местного самоуправления (п. 2 ст. 24 ФЗ «Об основных гарантиях...»). Соответствующим является и способ её формирования – члены комиссии назначаются представительным органом муниципалитета, а председатель избирается на первом заседании. Территориальные комиссии организуются избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, которая также своим постановлением назначает её председателя. С одной стороны, наличие собственной избирательной комиссии можно рассматривать как дополнительную гарантию местного самоуправления, развивающую положения Конституции, но с другой – возникает ситуация «неподконтрольности» данного органа вышестоящей комиссии субъекта, что может затруднять их практическое взаимодействие.

Статусы территориальных, окружных и участковых избирательных комиссий значительно отличаются от статусов органов, рассмотренных ранее. Они не являются комиссиями, организующими выборы, и формируются вышестоящими избиркомами. Территориальные комиссии хотя и являются обязательным звеном в системе избирательных органов (в отличие от комиссий муниципалитетов), далеко не всегда

имеют статус юридического лица, поскольку вопрос о его придании решается законом соответствующего субъекта Российской Федерации. В настоящее время в России около 80 % территориальных избиркомов не выступают в качестве юридических лиц, а их председатели не занимают государственные должности субъекта Российской Федерации. Эта весьма странная зависимость конституционно-правового статуса председателей территориальных избиркомов от сугубо гражданско-правовой категории статуса юридического лица напрямую закреплена в п. 15 ст. 29 ФЗ «Об основных гарантиях...». Избирательные комиссии субъектов решают этот вопрос следующим образом: они зачисляют председателей таких территориальных комиссий в свой аппарат на должности государственной гражданской службы. Однако этот способ далёк от идеала, поскольку государственная служба осуществляется бессрочно и имеет чёткий перечень оснований прекращения, при этом для должности председателя ТИК предусмотрен пятилетний срок полномочий. В связи с этим следует скорректировать норму п. 4 ст. 26 ФЗ «Об основных гарантиях...», обязав субъекты Федерации придавать всем территориальным комиссиям статус юридических лиц, а их председателей наделять статусом лиц, занимающих государственную должность в соответствующем регионе.

Участковые избирательные комиссии являются довольно проблемным звеном в системе избирательных органов. На них лежит основная работа по обеспечению процесса голосования избирателей и последующего подсчёта их голосов. Важным шагом по реформированию их статуса стал переход в 2013 г. от формирования на период избирательной кампании к пятилетнему

сроку полномочий. Это позволило несколько облегчить деятельность вышестоящих комиссий в период выборов, а также упорядочить функционирование самих УИКов. Однако правовой статус участковых комиссий является наиболее неопределённым в избирательном законодательстве. В отличие от других постоянно действующих комиссий, они не обозначаются законодателем как государственные либо муниципальные органы, нося общее понятие «коллективного органа». Существует и ряд вопросов относительно статуса членов участковых комиссий. В силу того что основная их часть набирается из сотрудников локально значимых организаций (например, учителя школ), распространена ситуация, когда они оказываются в подчинении у того или иного кандидата. Полномочия такого члена комиссии можно только приостановить, и потому его нельзя заменить из резерва. Другой обсуждаемой проблемой является отсутствие механизма отзыва члена УИК предложившим его субъектом, которая, к слову, является комплексной и характерна для всех звеньев системы избирательных комиссий. Все эти вопросы в силу своей теоретической и практической значимости требуют самостоятельного глубокого исследования.

Следует отметить, что избирательное законодательство в России постоянно менялось в течение четверти века существования современной избирательной системы и продолжает совершенствоваться сейчас. Необходимо и далее развивать его, в том числе и по пути упорядочения правового статуса избирательных комиссий, так как именно они выступают в Российской Федерации в качестве органов, обеспечивающих реализацию избирательных прав граждан.

Список литературы

1. Конституция РФ: принята всенар. голосование 25 дек. 1993 г. // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
3. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.
4. Артемова О. Е. Конституционно-правовая институционализация центральных избирательных органов в странах СНГ // Изв. вузов. Поволж. регион. Обществ. науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 17–25.
5. Галенпольский Ф. С. Референдумное право: учеб. пособие / Ф. С. Галенпольский. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. – 123 с.
6. Избирательное право и процесс в Российской Федерации: учебн. пособие / И. А. Алексеев, Д. С. Белявский, А. А. Свистунов [и др.]. – М.: Проспект, 2015. – 216 с.
7. Турищева Н. Ю. Актуальные вопросы правового статуса избирательных комиссий // Журн. рос. права. – 2016. – № 7. – С. 19–28.

А.А. Лещинская

студентка 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: leshchinskaya-a@mail.ru

Научный руководитель:

Н. В. Колосов, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: kolosovnv@mail.ru

Аннотация. Анализируются этапы развития патентной системы налогообложения, рассматриваются ее основные особенности и элементы, а также проблемы, возникающие при применении данного режима налогообложения, предлагаются способы их разрешения.

Ключевые слова: патентная система налогообложения, малый бизнес, индивидуальные предприниматели.

Роль малого и среднего бизнеса в экономике России многогранна. Малые предприятия обладают гибкостью в сравнении с производителями-монополистами, способствуют развитию конкуренции в сфере производства, что обеспечивает демонаполизацию экономики. Малое предпринимательство является именно той формой хозяйственной деятельности, которая лучше всего учитывает достигнутый уровень общественного разделения труда и открывает новые перспективы для развития экономики. В этой связи государство уделяет особое внимание развитию малого и среднего бизнеса. Одним из направлений государственной политики поддержки субъектов малого предпринимательства является создание специальных льготных режимов, в частности введение упрощенного порядка налогообложения.

В 2012 г. налоговое законодательство претерпело существенные изменения, в соответствии с которыми упрощенная система налогообложения (УСН) для индивидуальных предпринимателей (ИП) на основе патента была отменена. Вместо нее был введен новый специальный налоговый режим для индивидуальных предпринимателей – патентная система налогообложения (ПСН).

Система налогообложения на основе патента не является новым институтом для российского законодательства. Так, Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 222-ФЗ «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства» [2] предполагал использование УСН индивидуальными предпринимателями посредством уплаты стоимости патента на занятие предпринимательской деятельностью. Стоимость патента устанавливалась органом государственной власти субъекта Российской Федерации в зависимости от конкретного вида деятельности. С 1 января 2003 г. указанный закон утратил силу.

В 2005 г. в Налоговый кодекс РФ (НК РФ) [1] была введена ст. 346.25.1, предусматривающая УСН на основе патента. Статья содержала положения о возможности получения патента ИП, не привлекающими в своей деятельности наемных работников. Срок действия патента исчислялся следующими периодами: квартал, полугодие, девять месяцев, год. Законодателем был разработан весьма широкий перечень видов предпринимательской деятельности, при осуществлении которой допускалось применение УСН на основе патента.

К 2012 г. в ст. 346.25.1 НК РФ было внесено множество изменений, в той или иной степени совершенствующих применение УСН на основе патента. К примеру, произошло расширение круга видов предпринимательской деятельности, ИП получили возможность привлечения наемных работников.

При анализе вносимых законодателем поправок в период действия данной статьи мы можем наблюдать тенденцию к развитию и расширению сферы применения УСН на основе патента, что в конечном итоге привело к обособлению данного института в отдельный режим налогообложения.

Итак, Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 94-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] в налоговое законодательство была введена патентная система налогообложения, представляющая собой специальный налоговый режим, который заключается в получении патента, т.е. документа, устанавливающего право на осуществление определенного вида деятельности на срок от одного до двенадцати месяцев в пределах календарного года.

Какие же цели преследовал законодатель при выделении ПСН в качестве самостоятельного налогового режима? Во-первых, основное стремление государства в данном случае связано с налоговым стимулированием развития малого предпринимательства. Во-вторых, установление различных льгот, преференций для предпринимателей обусловлено, в частности, необходимостью легализации теневого бизнеса и борьбы с незаконным предпринимательством. При реализации указанных целей планировалось увеличить пополняемость бюджета за счет налогообложения, а также снизить налоговую и административную нагрузку на легально действующих предпринимателей.

Переход индивидуального предпринимателя на ПСН осуществляется в добровольном порядке, при этом НК РФ предусматривает право ИП совмещать несколько режимов налогообложения.

Поскольку большинство необходимых платежей включаются в стоимость патента при его оформлении, величина налога не зависит от размера фактически полученного ИП дохода, а определяется исходя из суммы установленного по каждому виду деятельности потенциально возможного к получению годового дохода. Таким образом, при ПСН государство предоставляет право осуществлять определенную предпринимательскую деятельность в течение срока действия патента за фиксированную плату.

Максимальный размер потенциально возможного годового дохода ИП не может превышать 1 млн руб., однако субъекты Российской Федерации вправе увеличивать максимальный размер такого дохода по отдельным видам предпринимательской деятельности в зависимости от тех или иных показателей. В частности, Законом Иркутской области, регулирующим применение ПСН на ее территории, данный размер для ИП, осуществляющих техническое обслуживание и ремонт автотранспортных средств в г. Иркутске, при средней численности наемных работников от 11 до 15 человек составляет 2 млн 860 тыс. руб. [5].

Важной особенностью патентной системы налогообложения является освобождение налогоплательщика от обязанности по уплате следующих налогов: налога на доходы физических лиц (НДФЛ); налога на имущество физических лиц; налога на добавленную стоимость (НДС), кроме НДС с товаров, ввозимых на территорию Российской Федерации, и в иных случаях, предусмотренных НК РФ. Разумеется, такая привилегия предоставляется ИП в части имущества, используемого при осуществлении того или иного вида предпринимательской деятельности, в отношении которого применяется рассматриваемый режим налогообложения.

Обратим внимание на другую характерную черту ПСН – упрощенный способ налогового учета. Во-первых, происходит минимизация количества отчетной документации, так как учет доходов, полученных предпринимателем, ведется в книге учета доходов ИП. Во-вторых, согласно ст. 346.52 НК РФ налоговая декларация по налогу, уплачиваемому в связи с применением патентной системы налогообложения, в налоговые органы не представляется [1].

Однако законодателем установлены и некоторые ограничения применения ПСН, вызывающие немало споров в теории и проблем в практике. В настоящее время ПСН не получила широкого распространения среди индивидуальных предпринимателей и не смогла стать эффективным способом легализации деятельности граждан, занятых в неформальном секторе экономики. Представляется, что действующие положения НК РФ учитывают далеко не все особенности малого предпринимательства и специфику категории самозанятых граждан, т. е. граждан, чьи доходы не связаны с официальной работой или с официально зарегистрированным бизнесом (например, няни, частные репетиторы). Рассмотрим некоторые сложности, возникающие при переходе к ПСН и при ее непосредственном использовании, попробуем определить их причины и пути решения.

Как было отмечено, правом перехода на ПСН обладают только индивидуальные предприниматели. Следовательно, у самозанятых граждан, труд которых государство и пытается легализовать, возникает необходимость регистрации в качестве ИП. По данным экспертов, в России насчитывается около 15 млн самозанятых [8, с. 89], а это примерно четверть всего трудоспособного населения страны. Указанные лица, во многих случаях получающие доход от своей деятельности неофициально годами, не считают ее узаконение необходимым ввиду вытекающих из этого последствий. На наш взгляд, целесообразной мерой решения такой проблемы является предоставление самозанятым гражданам права использования ПСН без регистрации в качестве ИП. Получение патента в данной ситуации должно производиться путем постановления на учет в налоговых органах в уведомительном порядке, в том числе через многофункциональные центры.

Ранее упоминалось, что налогообложению при ПСН подлежит потенциально возможный к получению доход предпринимателя, следовательно, стоимость патента рассчитывается, по сути, из виртуального дохода, который предприниматель еще даже не начал получать. Налоговая ставка при ПСН равна 6 %, за исключением отдельных случаев, указанных в законе.

Как известно, любая предпринимательская деятельность осуществляется на свой страх и риск, в случае же самозанятых граждан факторы, влияющие на размер дохода, могут оказаться весьма нестабильными в условиях рыночной экономики. Если предприниматель имеет невысокий доход или его бизнес несет убыточный характер, он независимо от этих обстоятельств обязан оплатить полную стоимость патента. Позже возможна ситуация, при которой налоговые органы откажут ИП в выдаче последующего патента, если стоимость предыдущего не была уплачена в установленный срок. К тому же в ст. 346.51 НК РФ установлены достаточно строгие правила уплаты стоимости патента. Так, налогоплательщики, получившие патент на срок до 6 месяцев, обязаны произвести уплату налога единовременным платежом в полном размере до окончания срока действия патента [1].

Думается, наиболее рациональным решением упомянутых проблем является установление ставки налога по патенту для самозанятых граждан в размере от 2 до 4 %, что делает ПСН более привлекательной и уменьшает риски несостоятельности при снижении доходов предпринимателя.

Наиболее острой проблемой в практике применения ПСН по-прежнему остается вопрос относительно страховых взносов налогоплательщика. Если при применении иных режимов уплаты налогов у предпринимателя имеется возможность учитывать суммы страховых взносов при исчислении суммы налога, то в случае ПСН такая привилегия отсутствует.

Начнем с того, что законодательство предусматривает различный порядок уплаты страховых взносов на самого индивидуального предпринимателя (т. е. «за себя») и на наемных работников.

Для ИП установлены фиксированные платежи и платежи, рассчитанные по 1 %-ной ставке от суммы потенциально возможного дохода за год, превышающей 300 тыс. руб. Что касается страховых взносов за привлекаемых ИП работников, то НК РФ установлены их пониженные размеры, которые применимы в отношении не всех категорий предпринимателей, использующих ПСН. Так, при оказании услуг общественного питания без наличия зала обслуживания посетителей ИП пользуются общими тарифами страховых взносов. Если предприниматель приобрел патенты, по которым тарифы страховых взносов имеют разные ставки, то для расчета суммы взносов, подлежащих уплате, требуется обеспечение раздельного учета, что усложняет процедуру ведения бизнеса.

Таким образом, ИП, являющиеся работодателями, уплачивают страховые взносы по двум основаниям – с сумм выплат и иных вознаграж-

дений, начисляемых ими в пользу своих работников, а также страховые взносы за себя, исходя из своего дохода от предпринимательской деятельности, полученного за расчетный период. При невысоком реальном доходе сумма страховых взносов занимает основную долю налоговой нагрузки индивидуального предпринимателя, что, в свою очередь, не может быть стимулом для применения ПСН, а также легализации неформально занятых граждан.

Отметим, что рассматриваемая проблема находит свое отражение и в позиции соответствующих органов государственной власти. Так, одной из возможных мер, направленных на стимулирование инвестиционной активности, Министерство финансов РФ называет предоставление налогоплательщикам, применяющим ПСН, права уменьшить стоимость патента на сумму страховых взносов [6], что в действительности позволит сделать ПСН более распространенной среди субъектов малого бизнеса. Но данное предложение возможно лишь в отношении самозанятых граждан и ИП, не использующих труд иных лиц, иначе возникает вероятность снижения уровня гарантий трудовых прав работников.

Говоря о самозанятых гражданах, необходимо упомянуть и другие меры налогового стимулирования, предпринимаемые на законодательном уровне в целях легализации их деятельности. 1 января 2019 г. вступил в силу закон, предусматривающий введение в экспериментальном порядке (до 31 декабря 2028 г.) нового специального налогового режима – налога на профессиональный доход [4]. В соответствии с новым законом физические лица с доходом до 200 тыс. руб. в месяц, не имеющие работодателя и не привлекающие наемных работников по трудовым договорам, вправе перейти на данный специальный налоговый режим, но с условием обязательной постановки на учет в налоговом органе в качестве налогоплательщика. Такой режим налогообложения самозанятых является сходным с режимом ПСН, поскольку оба направлены на достижение тождественных целей. Так, по аналогии с ПСН при уплате налога на профессиональный доход налогоплательщик освобождается от уплаты НДФЛ и НДС, а также от обязанности по представлению налоговой декларации. Однако новый налоговый режим подлежит применению лишь на территории четырех субъектов Российской Федерации: в г. Москве, в Московской и Калужской областях, в Татарстане. Ограничен и круг субъектов, имеющих возможность перехода на данный режим налогообложения. Следовательно, в связи с изменениями налогового законодательства ПСН все же не утрачивает своей актуальности и остается пер-

спективным направлением политики государства по легализации «теневой» экономики.

В ближайшее время возможно возникновение ряда проблем, касающихся замены единого налога на вмененный доход (ЕНВД) на патентную систему налогообложения, так как в 2010 г. было принято решение отменить ЕНВД ввиду исчерпания его потенциала как финансового инструмента. Обратим внимание, что при ПСН налогоплательщик не обременен заполнением налоговой декларации, расчетом суммы налога, а ЕНВД, в отличие от ПСН, предусмотрен для более широкого круга налогоплательщиков, т.е. не только для ИП, но и для юридических лиц. Кроме того, муниципальные власти обладают полномочиями по установлению коэффициентов, позволяющих корректировать доходность и учитывать особенности ведения тех или иных видов деятельности на подведомственных территориях [7, с. 220]. Таким образом, при всей кажущейся аналогичности эти системы имеют весомые различия.

Итак, патентная система налогообложения в ее современном понимании является сравни-

тельно новым институтом налогового права. При дальнейшем совершенствовании ПСН способна стать эффективным и надежным инструментом государственной политики в области малого предпринимательства. Посредством гибкого использования рассматриваемого налогового режима возможно не только привлечение в экономику страны субъектов предпринимательства, но и легализация малого бизнеса. Поддержка индивидуальных предпринимателей, граждан, занятых в неформальном секторе экономики, в форме предоставления возможности применения ПСН – это необходимая и экономически обусловленная мера, приводящая к увеличению доходов бюджетов городов федерального значения и муниципальных образований, поступлению средств во внебюджетные фонды, а также снижению фискальной нагрузки иных хозяйствующих субъектов. Решение ранее указанных проблем позволит повысить значимость ПСН для экономического регулирования малого бизнеса.

Список литературы

1. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
2. Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства : федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 222-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 15.
3. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 25 июня 2012 г. № 94-ФЗ // Рос. газ. – 2012. – № 144.
4. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан) : федер. закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ // Рос. газ. – 2018. – № 270.
5. О применении индивидуальными предпринимателями патентной системы налогообложения на территории Иркутской области : закон Иркут. обл. от 29 нояб. 2012 г. № 124-ОЗ // Ведомости ЗС Иркут. обл. – 2012. – № 49.
6. Проект Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minfin.ru>.
7. Гончаренко Л. И. Налогообложение физических лиц : учебник и практикум / Л. И. Гончаренко. – М. : Юрайт, 2018. – 363 с.
8. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы) : стат. сб. – М. : Росстат, 2018. – 142 с.

С. Ю. Мамкин

магистрант 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: smamkin327@gmail.com

Научный руководитель:

М. А. Сутурин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: mialsu@yandex.ru

Аннотация. Исследуется криминологическая характеристика лиц, совершающих преступления в местах лишения свободы. Анализируются различные типы пенитенциарных преступников, мотивы и причины совершения ими преступлений. Рассматриваются детерминанты совершения общественно опасных деяний, упущения пенитенциарной системы и пути снижения уровня преступности в пенитенциарной системе.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, личность пенитенциарного преступника, причины и условия совершения преступлений в пенитенциарных учреждениях.

Изучение личности преступника в криминологической науке имеет давние традиции. Ещё основатель криминологии австрийский ученый Ганс Гросс в конце XIX в. говорил, что в расследовании преступлений величайшее усилие следует прилагать именно к выяснению собственно личности обвиняемого.

Изучение личности осужденных, совершивших преступления в местах лишения свободы, и личности сотрудников исправительных учреждений, совершивших противоправные деяния, – одно из значимых условий уяснения их преступного поведения, что в последующем можно применить для предупреждения преступлений в местах лишения свободы [7].

Известно, что, совершая преступления в исправительных учреждениях, осужденный показывает явное нежелание встать на путь исправления, тем самым характеризуя себя как нравственно запущенного индивида. Сотрудники исправительных учреждений совершают противоправные деяния вследствие профессиональной деформации личности, так как они находятся в непосредственном контакте с осужденными. Это дает основание полагать, что одной из основных причин становления личности пенитенциарного преступника является контакт с тюремной субкультурой.

Немаловажным фактором, определяющим личность пенитенциарного преступника, является возраст, от которого в значительной мере зависит жизненная позиция, интересы и поведение человека. Лица среднего и старшего возраста имеют некоторый опыт (жизненный, криминальный), поэтому их действия чаще являются следствием обдуманного решения в отличие от поступков лиц младшего возраста. Молодых людей характеризуют такие качества, как импульсивность и агрессивность, они не всегда имеют

ясное представление о последствиях совершаемых ими общественно опасных деяний [1]. Также молодым людям свойственно объединяться в группы, которые носят устойчивый характер и складываются на антисоциальных интересах их членов. Таким образом, большинство девиантных преступлений совершается группами лиц, в состав которых входят 2–3 человека. Значимым признаком, характеризующим личность осужденного, является его семейное положение. Отсутствие семьи существенно сказывается на становлении личности пенитенциарного преступника, так как у осужденного отсутствуют семейные ценности.

На формирование личности оказывает влияние и уровень образования. Лица, имеющие более высокий уровень образования, прибегают к иным способам достижения своих целей или разрешения конфликтных ситуаций, в которых они оказываются.

В ряде случаев имеет место серьезное упущение режима содержания, осужденные, распивающие спиртные напитки и употребляющие наркотические вещества, более склонны к правонарушению. Вследствие нарушения режима исправительного учреждения происходили ссоры, в результате чего и совершались преступления.

Перечисленные факторы лишь способствуют становлению личности пенитенциарного преступника. Но при изучении личности необходимо учитывать, что осужденные находятся в местах лишения свободы, где социальная среда качественно отличается и может активно влиять на личность и поведение. Заключение, находящийся в местах лишения свободы, застает там сложившуюся социальную среду, отличающуюся от той, в которой он жил ранее. Особенности этой социальной среды определяются прежде всего действием следующих факторов:

- 1) изоляцией от общества;
- 2) регламентацией поведения во всех сферах жизнедеятельности;
- 3) принудительным включением в однополые социальные группы;
- 4) действием неформальных норм поведения, принятых в этой среде.

Как правило, личности приходится приспосабливаться к данным условиям, и поэтому у индивида, находящегося в местах лишения свободы, изменяются личностные свойства, появляются новые качества.

Одним из серьезных препятствий, стоящих на пути эффективной организации исправления в условиях пенитенциарного учреждения, является асоциальная субкультура с ее специфическим набором ценностных ориентаций, норм и правил поведения, сетью устойчивых неформальных взаимосвязей правонарушителей. Тюремная субкультура со своими обычаями и традициями, нормами и правилами поведения, характерными в этой среде, навязывает определенный порядок поведения отбывающим заключенным как в психологическом, так и в физическом отношении. Весь этот комплекс правил и норм вынуждает одних скептически относиться к средствам перевоспитания, других открыто противодействовать усилиям персонала, третьих – оставаться в стороне от проводимых воспитательных мероприятий.

Заключенный, отбывающий срок в местах лишения свободы, оказывается ограниченным в реализации своих потребностей, так как членство в группах и принятие субкультурных ценностей выступают в роли категорического императива, обязывающего вести себя должным образом.

С точки зрения психологии можно сказать, что в местах лишения свободы заключенные поддерживают довольно стабильные взаимоотношения друг с другом, тем самым происходит становление асоциальной субкультуры. Асоциальная субкультура проявляется в неформальных стандартах поведения, непосредственном общении заключенных. В общем виде это не имеющая правового статуса самоорганизация осужденных, возникающая в результате удовлетворения актуальных потребностей личности в сфере психологических отношений или достижения иных значимых целей в период отбывания наказания.

Цель исполнения наказания предполагает положительные изменения личности, однако на практике под влиянием социальной среды результат часто бывает обратным. Принимая тюремную субкультуру, заключенный испытывает на себе негативное влияние. Ценности и стандарты поведения, присущие данной субкультуре, вступают в противоречие с нормами и моде-

лями взаимодействия формальной организации. В рамках субкультуры меняется субъективная рационализация мер воспитательного влияния [4]. Так, попав в штрафной изолятор за совершение противоправных действий в стенах пенитенциарного учреждения, заключенный поднимает свой престиж в глазах асоциальной группы. Тем самым мера воспитательного характера меняет свой знак на противоположный, и напротив – содействие администрации или участие в самодеятельных организациях увеличивает риск стать объектом насмешек и преследований со стороны осужденных. В результате подобной трансформации группового сознания сохраняются ценности и стандарты поведения среди преступников, направленные на нейтрализацию воспитательных мероприятий.

С функциональной точки зрения охранительное по существу и криминогенное по ориентации влияние субкультуры оказывается настолько сильным, что может привести к совершению новых преступлений.

Таким образом, влияние субкультуры в местах лишения свободы способствуют более интенсивному изменению психики личности осужденного, чем воздействие формальных организаций и социальных институтов (деятельности персонала пенитенциарного учреждения, родственников, близких, семьи, общественности) [6].

В условиях пенитенциарного учреждения возникает единая микросоциальная психологическая среда, в этой среде и происходит процесс ресоциализации личности осужденного. Причиной тому служит неформальность отношений между осужденными. Эти отношения складываются и развиваются в рамках неформальных групп, специфической чертой которых является дифференциация общения и межличностных статусов. В преступной среде на заключенного огромное влияние оказывают закрытые коллективы, в которых имеется строгая неофициальная иерархия, комплекс неофициальных норм поведения, определяющих взаимоотношения индивидов и целых групп. В этих условиях и происходит переформирование личности, приобретение ею специфических качеств, присущих преступной среде. И чем длительней промежуток времени осужденный пробудет в этой среде, тем быстрее будет происходить формирование личности пенитенциарного преступника [5]. Личностные свойства пенитенциарных преступников проявляются в различных видах жизнедеятельности, в том числе и преступной.

Преступления в исправительных учреждениях совершают три основные группы лиц, отбывающих наказание:

- 1) криминально активные лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений;

2) лица, склонные к криминальной деятельности, но не имеющие постоянной установки на совершение преступлений;

3) лица, случайно вовлеченные в преступления.

Для криминально активных лиц, устойчиво ориентированных на совершение преступлений, закономерна устойчивая связь между нарушениями режима отбывания наказания и совершением преступлений.

Для данной категории пенитенциарных преступников характерны:

- активное противодействие требованиям режима отбывания наказания;
- ориентация на соблюдение неофициальных норм поведения, принятых в преступной среде;
- поддержание воровских традиций;
- грубые нарушения режима отбывания наказания;
- стремление к лидерству, превосходству над другими осужденными, получению возможных материальных благ;
- принадлежность к группировкам отрицательной направленности или лицам, являющимся воровскими авторитетами;
- создание конфликтных ситуаций в среде осужденных;
- негативное отношение к администрации исправительного учреждения.

Осужденным, относящимся к данной категории, присущи такие черты характера, как жестокость, хитрость, изворотливость, неспособность к сопереживанию, извращенность нравственных и правовых представлений и т. д.

Преступления криминально активных лиц, устойчиво ориентированных на совершение преступлений, отличаются конкретными целями, продуманностью, определенностью умысла, который порой вынашивается достаточно долго. При совершении групповых преступлений (массовые беспорядки, действия, дезорганизующие работу исправительных учреждений, хулиганство и др.) эти лица выступают организаторами либо активными соисполнителями. В эту категорию пенитенциарных преступников входят две подгруппы:

1) лица, длительное время и неоднократно пребывающие в местах лишения свободы;

2) лица, впервые пребывающие в местах лишения свободы, но подражающие воровским традициям, проявляющие конкретный интерес к воровской жизни.

Для лиц, склонных к криминальной деятельности, но не имеющих постоянной установки на совершение преступлений, не свойственна связь между нарушениями режима отбывания наказания и совершением преступлений. Их

преступное поведение отличается непоследовательностью. Нарушения режима отбывания наказания, как правило, носят необдуманный характер и являются бессистемными, связаны с посягательствами на различные требования. Действия менее избирательны, характеризуются стихийностью и противоречивостью [2].

Специфика их личностных свойств определяет неустойчивость их положения в среде осужденных, проявляющуюся в принадлежности и отходе от групп с различной направленностью, поддержании и отвержении воровских традиций. В отдельных случаях они могут поддерживать администрацию исправительного учреждения или, наоборот, лидеров с отрицательной направленностью. Такие осужденные не имеют четкой линии поведения в конфликтных ситуациях, большинство являются эмоционально неуравновешенными, для них характерны антисоциальные поведенческие привычки.

Наиболее разнообразной по набору личностных качеств является категория граждан, случайно вовлеченных в преступную деятельность. Лица названной категории принадлежат к различным группам осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Группы таких осужденных существенно отличаются от описанных ранее своей малочисленностью. В них выделяются лица с холерическим темпераментом и свойствами неврастенической личности, с преобладающей мнительностью, раздражительностью, вспыльчивостью, повышенной самооценкой. Для них свойственно неадекватное поведение, доминирующая роль в котором принадлежит неосознанным процессам. Чаще всего они являются инициаторами конфликтов.

Осужденные данной категории совершают противоправные деяния, как правило, в результате внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего, или превышая пределы необходимой обороны и в других ситуациях.

Также необходимо рассмотреть личность сотрудников исправительных учреждений, совершивших противоправные деяния в отношении осужденных. Преступления, совершаемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, являются следствием профессионального выгорания личности, вызванного постоянным контактом сотрудников исправительных учреждений с осужденными. А это в свою очередь говорит о том, что на сотрудников, так же как и на осужденных, влияет тюремная субкультура.

Сам факт пребывания в исправительном учреждении довольно продолжительное время оставляет негативный отпечаток и способствует формированию антиобщественных ценностей

как в отношении осужденных, так и в отношении сотрудников исправительных учреждений.

Как правило, в ходе длительной работы с лицами, отбывающими наказание, у сотрудников происходит профессиональная деформация личности, т. е. происходит изменение качеств личности. Поэтому важное значение в предотвращении деформации личности сотрудников исправительных учреждений играет их способность противостоять психическому давлению со стороны осужденных.

В результате изменения ценностных качеств и ориентиров сотрудники при работе с осужденными выходят за рамки закона и превышают должностные полномочия, что приводит к совершению противоправного деяния. И в конечном итоге отличием между осужденным и сотрудником, совершающим противоправные деяния, является лишь их правовой статус.

Чтобы более детально разобраться в том, кто же относится к личности пенитенциарного преступника, нам необходимо рассмотреть преступления, совершаемые в местах лишения свободы. Наибольшее число преступлений в пенитенциарных учреждениях совершаются лицами мужского пола в возрасте от 18 до 30 лет. Анализ результатов научных исследований показал преобладание у большинства пенитенциарных преступников хорошего физического здоровья, с одной стороны, и наличия различного рода пси-

хопатий – с другой. Для лиц, совершивших преступление в пенитенциарных учреждениях, характерно наличие среднего либо среднего специального образования. Семейное положение большинства осужденных, совершивших преступление в период отбывания наказания в исправительном учреждении, характеризуется отсутствием супруги и детей. Анализ социального и криминального статуса показал наличие преимущественно двух и более судимостей у пенитенциарных преступников, а также их криминальную активность и способность к формированию преступного умысла [3].

Исходя из приведенных данных, присущих типичной личности пенитенциарного преступника, можно сделать вывод, что никакое общество не застраховано от проявления противоправных действий отдельных граждан. Завершая анализ личности пенитенциарного преступника, хотелось бы выделить немаловажный фактор: обстановка в исправительных учреждениях способствует развитию личности преступника, она вынуждает большинство осужденных заранее готовиться противостоять притеснениям, оскорблениям, вымогательствам, которые нередко и осуществляются осужденными, принадлежащими к группировкам с отрицательной ориентацией, имеющими физическое превосходство, отличающимися грубостью, хитростью и изворотливостью.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Преступность в местах лишения свободы и ее причины // Уголов. право. – 2002. – № 4. – С. 64–65.
2. Арутюнян К. С. Место и роль религиозного сознания в духовно-нравственном исправлении осужденных к лишению свободы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. – 2017. – № 4. – С. 67–68.
3. Бакин А. А. Особенности формирования девиантного сексуального поведения осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 2. – С. 10–15.
4. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 177–182.
5. Горшенков Г. Н. Пенитенциарная преступность как явление отраслевизации криминологии / Г. Н. Горшенков, М. А. Кириллов // Пенитенциарная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. / отв. за вып. М. А. Кириллов. – Чебоксары. – 2016. – С. 76–81.
6. Громов В. Г. Криминальная субкультура осужденных в исправительных колониях и ее нейтрализация / В. Г. Громов, В. А. Слепов // Право и правоохранительная деятельность : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, аспирантов. – 2017. – С. 47–51.
7. Козырева А. И. Пенитенциарная преступность в России // Концепции фундаментальных и прикладных научных исследований : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. – 2017. – С. 75–76.

Субъективная сторона приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

© Мендешева Э. Г., 2019

Э. Г. Мендешева

студентка 3-го курса, Юридический институт, Алтайский государственный университет; e-mail: werkeley@gmail.com

Научный руководитель:

Л. Н. Смирнова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридический институт, Алтайский государственный университет; e-mail: smilnik@ktm.ru

Аннотация. Рассматривается применение ст. 138.1 УК РФ на практике, анализируются проблемы влияния цели приобретения на уголовную ответственность за приобретение лицом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, предлагаются способы совершенствования формулировки нормы.

Ключевые слова: специальные технические средства, субъективная сторона, приобретение специальных технических средств, негласное получение информации.

Уголовная ответственность за незаконные производство, сбыт или приобретение в целях сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, существовала с самой первой редакции Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2], т. е. с 1996 г.

При этом под производством технических средств следовало понимать их промышленное или кустарное изготовление, приспособление бытовой аппаратуры под специальные цели, ее модернизацию для негласного получения информации и др. Сбыт предусматривал передачу предмета другому лицу (хотя бы одному), обмен, дарение и т. п. В качестве приобретения рассматривалась любая форма завладения ими [7].

Однако в 2009 г. были внесены изменения в норму – законодатель убрал цель сбыта, и осталось просто «незаконные производство, сбыт или приобретение специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации».

Таким образом, сфера действия ч. 3 ст. 138 УК РФ расширилась, и незаконным стало приобретение любого специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, независимо от целей и последующих намерений лица в отношении такого предмета. Это изменение подвергается критике в научной литературе. В частности, В. А. Родивилина указала, что «зафиксировать своего домашнего питомца или записать лекцию преподавателя в институте для дальнейшего изучения, используя для этого устройства закоммуфлированные под бытовой предмет, например, ручку или брелок от автомобильной сигнала-

лизации, будет являться преступлением, несмотря на отсутствие у лица цели собирания информации о частной жизни лица» [6, с. 64].

В 2011 г. Федеральным законом от 7.12.2011 № 420-ФЗ [3] оборот специальных технических средств был выделен в отдельную ст. 138.1 УК РФ с диспозицией «Незаконные производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации». Увеличились размеры санкций, в связи с чем изменилась категория преступления с небольшой тяжести на преступление средней тяжести.

Так, в 2018 г. был осужден житель Рубцовска Горбунов Е. С., заказавший в зарубежном интернет-магазине GPS-трекер, который он намеревался установить в своём автомобиле в качестве противоугонного средства. Однако при его прохождении границы Российской Федерации таможенным экспертом было установлено, что устройство относится к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: кроме функции отслеживания местоположения транспортного средства, оно имело функцию передачи акустической информации. Суд пришел к выводу о полной доказанности вины Горбунова в совершении покушения на приобретение специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации.

Заявлению подсудимого о том, что он не намеревался использовать приобретаемое устройство для незаконной деятельности, суд не придал правового значения, обозначив, что диспозиция ст. 138.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за незаконное приобре-

тение специальных технических средств независимо от цели такого приобретения [8].

Согласно судебной статистике за 2018 г., по ст. 138.1 УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации) было осуждено 257 человек, в 2016 г. – 236 человек, а в 2011 г. – 49 человек.

При этом статистика Верховного Суда РФ не в полной мере отражает сложившуюся действительность: согласно сообщению Следственного комитета России, к чьей подследственности относятся такие дела, в 2015 г. были зарегистрированы 385 таких преступлений, к ответственности привлечены 344 человека, в 2016 г. – 331 преступление, выявлены 296 причастных к ним лиц. Среди выявляемой техники – шариковые ручки со скрытой видеокамерой, портативные радиомикрофоны, миниатюрные видеокамеры, замаскированные, например, под сетевой фильтр или блок пожарной сигнализации [9].

Рост количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, можно объяснить ускоренным научно-техническим прогрессом и им же объяснить проблемы применения ст. 138.1 УК РФ на практике.

К примеру, в 2017 г. было заведено уголовное дело на жителя Курганской области Евгения Васильева, купившего GPS-трекер в интернет-магазине для отслеживания постоянно отходящей от стада коровы. Сотрудники ФСБ арестовали фермера, как только он вышел с прибывшей посылкой из отделения Почты России, за приобретение специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации. Лишь после того, как это дело стало достоянием общественности, с фермера сняли все обвинения. После этого Генпрокуратура России начала масштабную проверку всех уголовных дел, возбужденных по ст. 138.1 УК РФ [10].

Таким образом, был выявлен пробел в законодательстве, а именно значимость ответа на вопрос: для чего лицо приобретает специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации?»

В настоящее время, когда микрофоны, различные датчики, GPS-трекеры, аудио- и видеокамеры присутствуют в гаджетах почти каждого россиянина и существуют, например, карманные приспособления для мгновенного сканирования документов, а в детских стоят радионяни и все эти устройства попадают под признаки специальных технических устройств, предназначенных для негласного получения информации, согласно Постановлению Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287 [4], кажется нецелесообразным привлекать к ответственности тех, кто приобретает такие устройства для личных нужд

без преступных целей. И даже постулат права «Незнание закона не освобождает от ответственности» опасно формален, когда закон отстает от современной действительности.

Результатом правоприменительной практики стало появление Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 [5], дающего разъяснения касательно субъективной стороны ст. 138.1 УК РФ и других актов, ранее существовавших исключительно на уровне доктрины.

Так, согласно п. 9 этого постановления «само по себе участие в незаконном обороте специальных технических средств не может свидетельствовать о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, если его умысел не был направлен на приобретение и (или) сбыт именно таких средств (например, лицо посредством общедоступного интернет-ресурса приобрело специальное техническое средство, рекламируемое как устройство бытового назначения, добросовестно заблуждаясь относительно его фактического предназначения)».

Это разъяснение обоснованно, поскольку обычному гражданину, несведущему в праве или технике, сложно определить принадлежность устройства к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации. На практике подобные ситуации встречались довольно часто, и отсутствие заведомости в приобретении специального технического средства было основной и, можно сказать, единственной причиной отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения за приобретение специальных технических средств.

В постановлении были даны примеры ситуаций, при которых приобретение специальных технических средств не будет уголовно наказуемо: «Не могут быть квалифицированы по ст. 138.1 УК РФ также действия лица, которое приобрело предназначенное для негласного получения информации устройство с намерением использовать, например, в целях обеспечения личной безопасности, безопасности членов семьи, в том числе детей, сохранности имущества или в целях слежения за животными и не предполагало применять его в качестве средства посягательства на конституционные права граждан» (абз. 2 п. 9).

В качестве общего признака этих примеров можно указать наличие цели – приобретение в личных или бытовых целях.

Нами приветствуется данное разъяснение, поскольку оно указывает на необходимость наличия еще одного признака состава преступления незаконного приобретения устройства –

приобретение с целью использования специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, для посягательства на конституционные права граждан: право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров и другие права (ст. 23 Конституции РФ [1]).

Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ не является источником права, оно служит лишь ориентиром для судей и де-юре не имеет какой-либо юридической силы для следователей. Поэтому нами предлагается изменение диспозиции ст. 138.1 УК РФ на «незаконное производство, приобретение в целях нарушения конституционных прав и свобод граждан и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации». Только с закреплением признака цели приобретения специальных технических средств возможно добиться существенных изменений в применении нормы.

Тем не менее, несмотря на эти меры, могут возникнуть проблемы при квалификации приобретения устройства для обеспечения безопасности членов семьи. Между нарушением конституционных прав близких и передачей им устройств для чрезвычайных ситуаций лежит тонкая грань, отделяемая лишь субъективной стороной лица. И если установление надзора с помощью специальных технических средств в отношении несовершеннолетних детей не будет вызывать вопросов, то подобные действия в отношении совершеннолетних членов семьи, например супругов, в определенных случаях можно расценивать как посягательство на неприкосновенность их частной жизни или как нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, что образует состав ст. 138 УК РФ. На наш взгляд, решающее значение в таких случаях

будет иметь отношение отслеживаемого члена семьи к «шпионскому устройству»: знало ли оно о его существовании, согласилось ли на ношение при себе или установку в непосредственной близости от себя.

Непрерывно стоит отметить, что в момент написания данной статьи в Государственной Думе рассматривается законопроект о внесении изменений в ст. 138.1 УК РФ и ст. 20.23 КоАП РФ, а именно примечания, в котором уточнялось бы понятие специального технического средства, используемого в уголовном и административном праве. Согласно проекту законодательных поправок под специальными техническими средствами, предназначенными для негласного получения информации, «понимаются приборы, системы, комплексы, устройства, специальный инструмент и программное обеспечение независимо от их внешнего вида, технических характеристик, а также принципов работы, которым намеренно приданы качества и свойства для обеспечения функции скрытного получения информации либо доступа к ней (без ведома ее обладателя)» [11]. Вероятно, к тому времени, когда будет опубликована статья, данное примечание будет содержаться в ст. 138.1 УК РФ в несколько иной формулировке.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что указание цели приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, необходимо для установления наличия состава преступления в ст. 138.1 УК РФ. Разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, должны способствовать воздержанию от прошлых ошибок необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, приобретших устройства в личных или бытовых целях. Но только после изменений самой ст. 138.1 УК РФ способна измениться правоприменительная практика.

Список литературы

1. Конституция РФ : принята общенар. голосованием 25 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 24 мая 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от (ред. от 01.04.2019) // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации : постановление Правительства РФ от 12 апр. 2012 г. № 287 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
5. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 46 // Верховный Суд РФ : сайт. – URL: <http://www.vsrfl.ru/second.php/> (дата обращения: 13.03.2019).

6. Родивилина В. А. Особенности квалификации преступлений в сфере незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / В. А. Родивилина, И. П. Родивилин // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2013. – № 3(66). – С. 61–66.
7. УК РФ с Комментариями 2018–2019 гг. (новая редакция с последними изменениями) [Электронный ресурс]. – URL: <http://stykrf.ru/138-1 ст. 138.1> (дата обращения: 12.04.2019).
8. Приговор № 1-677/2017 1-79/2018 от 14 февр. 2018 г. по делу № 1-677/2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ixxl8QspA8gJ/> (дата обращения: 12.04.2019).
9. Верховный суд России разъяснил, когда покупка шпионской техники не образует преступления [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5950677> (дата обращения: 12.04.2019).
10. Генпрокуратура предложит изменить уголовную статью о «шпионских» гаджетах [Электронный ресурс]. – URL: <https://russian.rt.com/russia/article/507367-genprokuratura-predlozheniya-izmeneniyu-stati-shpionskih-gadzhetah> (дата обращения: 12.04.2019).
11. Правительство вносит в Госдуму поправки, уточняющие определение шпионских устройств [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6087811> (дата обращения: 13.03.2019).

Недобросовестность продавца при исполнении договора розничной купли-продажи

© Николаева Е. В., 2019

Е. В. Николаева

студентка 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет ИГУ; e-mail: pia-88888@mail.ru

Научный руководитель:

Е. П. Шевчук, преподаватель кафедры гражданского права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: elena-shevchuk-1978@mail.ru

Аннотация. Исследуются последствия недобросовестного поведения продавца при исполнении договора розничной купли-продажи. Раскрывается определение «недобросовестность». Приведены примеры судебной практики по защите прав потребителей. Также рассматриваются пути разрешения проблем ненадлежащего исполнения продавцом его обязанностей.

Ключевые слова: недобросовестность, продавец, потребитель, розничная купля-продажа.

Специфика регулирования правоотношений между субъектами в рамках договора розничной купли-продажи заключается в том, что в розничной купле-продаже предприниматели осуществляют профессиональную деятельность по продаже товаров в розницу и экономически более слабыми являются потребители. Договор является публичным и заключается с применением публичной оферты. Также отличительной чертой данных правоотношений выступает предмет, приобретаемый для личных, семейных, домашних, иных нужд, которой не может использоваться с целью осуществления предпринимательской деятельности [8, с. 145]. В связи с особенностями данного вида договора возникает вопрос о нарушении прав потребителей при недобросовестном поведении продавца.

Для исследования данного вопроса необходимо растолковать понятие «недобросовестность». Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) не содержит легального определения этого термина, вследствие чего в теории и практической деятельности возникают вопросы. Так, И. И. Пустомолотов полагает, что «поведение лица следует считать недобросовестным тогда, когда оно (лицо) действует с умыслом причинить вред другому лицу, а также допускает возможность причинения такого вреда по причине самонадеянности или небрежности» [5]. В своей научной статье Ю. Фогельсон рассматривает недобросовестность в аспекте того, что сильная сторона договора пользуется имеющейся у нее легальной возможностью определять условия договора единолично и тем самым данная сторона использует диспропорцию для получения односторонних преимуществ [10, с. 48].

В международных актах содержатся условия, которые являются «несправедливыми» в случае

нарушения обязательств. Статья 3 Директивы № 93/13/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» [4] устанавливает, что условие договора, которое не обсуждалось индивидуально, должно рассматриваться в качестве несправедливого, если в нарушение требования добросовестности оно вызывает значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон, вытекающих из договора, в ущерб потребителю.

Поэтому недобросовестность продавца может формироваться первоначально из несправедливых условий договора, когда для потребителя в дальнейшем могут возникнуть неблагоприятные последствия при действии договора. Стоит согласиться с точкой зрения Ю. Фогельсона, который наиболее точно объясняет понятие недобросовестности применительно к договорным правоотношениям. В связи с недобросовестным поведением продавца возможно нарушение норм, определяющих договор розничной купли-продажи публичным, когда продавец не вправе отдавать предпочтение одним покупателям перед другими, устанавливая различные условия договора, например, в цене, предмете (его качестве), сроках и т. д.

Основными регуляторами договорных правоотношений в розничной купле-продаже являются специальный Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» и ГК РФ, который содержит общие положения, перечисляет права и обязанности сторон при исполнении данного вида договора. Подзаконные правовые акты детально регулируют договорные правоотношения. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский указывают, что квалификация договора розничной купли-продажи в качестве публичного договора, помимо иных известных

последствий, дает Правительству РФ возможность издавать правила, обязательные для сторон при заключении и исполнении данного договора [2, с. 43]. Так, в Постановлении Правительства РФ от 19 января 1998 г. № 55 «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» закреплены обязанности продавца, которые должны исполняться добросовестно в законно установленном порядке. Рассмотрим некоторые из них.

Продавец обязан своевременно в наглядной и доступной форме довести до сведения покупателя необходимую и достоверную информацию о товарах и их изготовителях, обеспечивающую возможность правильного выбора товаров. Данное положение предусмотрено и в Законе РФ «О защите прав потребителей», который содержит перечень необходимой информации о товаре, предоставляемой потребителю. Это сведения об основных потребительских свойствах товаров, цена в рублях и условия приобретения товаров, гарантийный срок, если он установлен, правила и условия эффективного и безопасного использования товаров и т. д. Также ст. 495 ГК РФ устанавливает права потребителя в случае недобросовестного уклонения продавца от данной обязанности. Покупатель может потребовать возмещения убытков при непредставлении информации, действия продавца будут расцениваться как необоснованное уклонение от заключения договора; в случае если договор уже был заключен и продавец не предоставил информацию о товаре, покупатель вправе отказаться от исполнения договора, потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. Поэтому, чтобы не возникали неблагоприятные последствия для сторон договора, продавец обязан представить покупателю информацию о товаре, которая будет соответствовать целям его использования. В практической деятельности возникают проблемы, когда информация о товаре предоставляется покупателю не в полном объеме и он вводится в заблуждение, не зная о функциональных свойствах товара.

Рассмотрим пример из судебной практики. Мировой судья судебного участка г. Осташкова Тверской области по гражданскому делу № 2-254/2015 23 июня 2015 г. рассмотрел дело по исковому заявлению о защите прав потребителей. Из объяснений истца, данных в судебном засе-

дании, следует, что при выборе телефона истец из-за ухудшения слуха рассчитывала приобрести телефон, на входящие звонки которого без подключения интернета возможно установить подходящую мелодию (рингтон), которую она могла бы услышать. Как выяснилось при использовании телефона, мелодию на входящие звонки установить было невозможно, а впоследствии, как было зафиксировано в заключении судебной экспертизы, стандартная конфигурация программного обеспечения приобретенного смартфона не имеет функции установки музыкальных файлов на звонок. О данной особенности телефонного аппарата продавец истцу не сообщал, и в руководстве пользователя на представленный смартфон не содержится полной информации о параметрах и особенностях установления в смартфоне музыкальных файлов на входящие звонки. В итоге судья удовлетворил требования истца частично и решил расторгнуть договор купли-продажи смартфона и взыскать с ООО в пользу истца стоимость смартфона и иные расходы [7].

В свою очередь продавец обязан предоставить потребителю товар надлежащего качества. ГК РФ и Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» содержат нормы о качестве товара, который должен соответствовать договору купли-продажи; в случае если условия не указаны, продавец обязан передать покупателю товар, пригодный целям, для которых товар такого рода обычно используется. Согласно положениям договора розничной купли-продажи обязанность по проверке качества товара возложена на продавца. Для предотвращения неблагоприятных последствий в дальнейшем и обеспечения безопасности потребителя продавец обязан, если это предусмотрено законодательством Российской Федерации, обязательными требованиями государственных стандартов или условиями договора, проверить качество товара, передаваемого покупателю, путем испытания, анализа, осмотра и т. д., предоставив покупателю доказательства проверки качества товара. В случае нарушения продавцом условий договора, предъявляемых к качеству товара, возникают права у потребителя при обнаружении недостатков, которые не были оговорены продавцом, потребовать: замены на товар этой же марки; соразмерного уменьшения покупной цены; незамедлительного безвозмездного устранения недостатков товара или возмещения расходов на их исправление потребителем или третьим лицом; покупатель может отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и т. д., что установлено в ст. 18 Закона РФ «О защите прав потребителей» [1]. Поэтому при возникновении

ситуаций, когда товар был продан ненадлежащего качества, продавец обязан добросовестно разрешить претензию покупателя и провести проверку качества.

В практической деятельности возникает проблема, когда товар является ненадлежащего качества и между сторонами договора возникает спор. Продавец может уклоняться от исполнения обязанности, установленной Законом РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей». Так, в п. 3 ч. 5 ст. 18 указано, что при возникновении спора о причинах возникновения недостатков товара продавец обязан провести экспертизу товара за свой счет в определенные сроки, где вправе присутствовать потребитель. Приведем пример из судебной практики, свидетельствующий о явно выраженном недобросовестном уклонении продавца от своих обязанностей. Октябрьский районный суд г. Саранска от 10 сентября 2014 г. по делу № 2-1754/2014 рассмотрел иск о расторжении договора купли-продажи и взыскании возврата стоимости товара. Истец мотивировал свои требования тем, что до истечения гарантийного срока ответчик отказался провести проверку качества телефона, ссылаясь на то, что на телефоне имеются следы механических повреждений. Истец обратился в экспертную организацию, где был вынужден за свой счет провести экспертизу качества товара. Согласно акту экспертного исследования, дефект корпуса носит эксплуатационный характер, причинно-следственной связи между обнаруженными дефектами экспертом не выявлено. После проведения экспертизы истец с целью досудебного урегулирования данного инцидента направил повторную претензию, и ответа от ответчика (продавца) не последовало. В итоге суд вынес решение об удовлетворении требований истца (покупателя) частично: расторгнуть договор купли-продажи между истцом и ответчиком, взыскать с ответчика в обмен на приобретенный телефон уплаченную за товар денежную сумму и иные расходы [6].

Анализируя судебную практику, можно заметить, что судебные органы чаще всего выносят решения об удовлетворении требований потребителей. Связано это с тем, что данный субъект является наиболее слабой стороной в договорных отношениях с экономической и профессиональной точки зрения, а также в связи с тем, что продавец недобросовестно уклоняется от выполнения своих обязанностей.

Управлением Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Иркутской области (далее – Роспотребнадзор) по состоянию на 2018 г. были приведены следующие данные: 45,5 % гражданских дел о защите прав потреби-

телей, рассмотренных с вынесением судебного решения, пришлось на куплю-продажу товаров, 26,6 % – на бытовые услуги, 6,6 % – на финансовые услуги, 21 % – доленое строительство, туристские услуги, риэлтерские, транспортные услуги и услуги связи [9]. Самый высокий показатель по вынесенным судебным решениям приходится на споры, связанные с договором купли-продажи товаров: потребителям предоставляется товар, не соответствующий качеству, и продавцы не исполняют своих обязанностей по урегулированию спора путем претензионного порядка.

Полагаем, что для разрешения ситуаций недобросовестного поведения продавца необходимо активное вмешательство Роспотребнадзора, так как данный орган уполномочен на разрешение вопросов в данной сфере: проведение проверок деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан по исполнению требований законодательства РФ в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и защиты прав потребителей закреплено Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 322 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека». Например, при проведении контрольной закупки должностными лицами совершаются действия по созданию ситуации для совершения сделки в целях проверки соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями обязательных требований при продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг потребителям. Совершая контрольные мероприятия, органы заранее обеспечивают защиту потребителей от неблагоприятных последствий, которые могут возникнуть из-за недобросовестного поведения продавца.

С целью предотвращения рисков возникновения негативных последствий и развития правовой грамотности в сфере потребительского права как продавцов, так и потребителей при Роспотребнадзоре функционируют консультационные центры. На региональном уровне центры просвещают субъектов потребительской сферы актуальной информацией путем опубликования тематических материалов в средствах массовой информации и исполняют полномочия в иных направлениях. Данный положительный опыт был заимствован из Германии, где в 2000 г. было создано Федеральное объединение центров защиты прав потребителя [3]. Объединение включает 25 профильных организаций, каждая из них осуществляет деятельность в своей сфере потребительского права. В цели организаций входит консультирование и информи-

рование граждан по различным вопросам частного потребления.

На основании вышеизложенного сделаем вывод о том, что продавец, являясь стороной в договорных отношениях, должен исполнять свои обязанности по условиям договора и закона. Недобросовестность продавца влечет для обеих сторон договора неблагоприятные последствия, и изначально продавец обязан предусматривать законные условия как для себя, так и для потребителя. Исходя из анализа судебной практики, можно заключить, что продавец, который недобросовестно уклоняется от обязанно-

стей, в итоге претерпевает экономические последствия в виде взыскания расходов по требованиям потребителя, установленных судебным органом. Роспотребнадзор как орган, осуществляющий контрольные и надзорные функции, должен содействовать на федеральном, региональном и местном уровнях укреплению и защите прав потребителей с целью предотвращения неблагоприятных последствий для сторон договорных отношений. Деятельность консультационных центров должна обеспечивать развитие правовой грамотности потребителей и иных субъектов правоотношений.

Список литературы

1. О защите прав потребителей : закон РФ от 7 февр. 1992 № 2300-1 // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
2. Брагинский М. И. Договорное право. В 5 т. Т. 2 / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2002. – 439 с.
3. Германо-российский проект «Совершенствование обеспечения безопасности пищевых продуктов и защиты прав потребителей в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://30.rosпотребнадзор.ru/documents/ros/8316/> (дата обращения 05.04.2019 г.).
4. О несправедливых условиях в договорах с потребителями : Директива от 16 апр. 1993 г. № 93/13/ЕЭС // Совет Европейских сообществ. – 1993. – № 93/13. – Ст. 3.
5. Пустомолотов И. И. Категория «Недобросовестность» в гражданском законодательстве // Изв. ТулГУ. Экон. и юрид. науки. – 2012 – № 3-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-nedobrosovestnost-v-grazhdanskonzakonodatelstve> – (дата обращения 05.04.2019).
6. Решение Октябрьского районного суда г. Саранска по делу № 2-1754/2014 от 10 сент. 2014 г. [Электронный ресурс] // СудАкт: офиц. интернет-портал правов. информ. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UZhliSpEeFLn/> (дата обращения: 05.04.2019).
7. Решение судебного участка г. Осташкова Тверской области по гражданскому делу № 2-254/2015 от 23 июня 2015 г. [Электронный ресурс] // СудАкт: офиц. интернет-портал правов. информ. – URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/v5BXRzjAIWQW/>. (дата обращения: 05.04.2019).
8. Суханов Е. А. Гражданское право. В 4 т. Т. 3 / Е. А. Суханов. – М. : Волтерс Клувер., 2005. – 800 с.
9. Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Иркутской области [Электронный ресурс]. – URL: http://38.rosпотребнадзор.ru/news/-/asset_publisher/0Xcw/content/итоги-судебной-практики-управления-роспотребнадзора-по-иркутскои-области-по-защите-прав-потребителей-за-2018-год (дата обращения 07.04.2019).
10. Фогельсон Ю. Несправедливые (недобросовестные) условия договоров // Хоз-во и право. – 2010. – № 4. – С. 29-55.

Проблемные аспекты введения категории «уголовный проступок» в уголовное законодательство

© Орищенко Р. Е., 2019

Р. Е. Орищенко

магистрант 2-го курса, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; e-mail: Orishchenk.rus@mail.ru

Научный руководитель:

А. А. Мальцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, e-mail: maltcev.aa@dvvfu.ru

Аннотация. Анализируется предложение Верховного Суда Российской Федерации о законодательном закреплении понятия «уголовный проступок». Рассматривается ряд ключевых проблем, возникающих при введении уголовного проступка в УК РФ. Формулируются предложения по гуманизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовный проступок, административная преюдиция, законопроект, административное правонарушение.

В декабре 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей председателем Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) была освещена концепция введения в уголовное право категории «уголовный проступок».

Пленум ВС РФ 31 октября 2017 г. принял постановление о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» (далее – Законопроект) [3].

В соответствии с Законопроектом под уголовным проступком предлагается понимать «преступление небольшой тяжести, за которое... не предусмотрено наказание в виде лишения свободы».

По словам же председателя ВС РФ Вячеслава Лебедева, уголовный проступок будет являться правонарушением «между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением».

Потребность в введении института уголовного проступка, как отмечают авторы Законопроекта, обусловлена тем, что в УК РФ к категории преступлений небольшой тяжести отнесены как деяния, за совершение которых определено наказание в виде лишения свободы, так и деяния, за которые не назначается такого рода наказания. Следовательно, в рамках одной категории по сути дифференцированы преступления по виду максимального наказания в санкции.

Как отмечают некоторые ученые (Е. В. Рогова [10, с. 105], Л. О. Павлова [8, с. 364] и т. д.), в процессе разработки Законопроекта был учтён опыт некоторых зарубежных стран в области деления преступных деяний на преступления и проступки. Тем не менее правовой анализ зарубежных источников говорит об обратном. Так,

например, в соответствии с Уголовным уложением ФРГ уголовный проступок является противоправным деянием, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок менее года или денежный штраф [5]. Согласно Уголовному кодексу Франции уголовный проступок по степени общественной опасности стоит посередине между уголовными преступлениями, за которые предусматриваются длительные сроки тюремного заключения, и нарушениями, за которые наказание в виде лишения свободы не назначается вообще [7]. Отсюда можно сделать лишь вывод о том, что преступления небольшой тяжести в УК РФ, по своей сути, и являются уголовными проступками в понимании зарубежных законодателей, в УК РФ они лишь названы иначе [1]. Даже если обратиться к истории развития права России, можно обнаружить, что понятие уголовного проступка значительно отличалось от того, которое предлагает изучаемый Законопроект.

Законопроектом также вносятся изменения в отдельные положения УК РФ, смягчающие меры уголовной ответственности и юридические последствия, которые влечет за собой совершение уголовного проступка. Например, для лиц, в отношении которых вынесено наказание за совершение уголовного проступка, длительность срока отбывания наказания, по истечении которого может быть применено условно-досрочное освобождение, будет сокращена до одной четверти вместо трети. Помимо этого, предполагается сокращение длительности срока давности уголовного преследования для лиц, которые совершили уголовный проступок, до одного года и отсутствия негативного последствия в форме судимости.

На данный момент в УК РФ насчитывается около 80–85 составов преступлений, которые подпадают под предложенный ВС РФ термин «уголовный проступок»: ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 124 УК РФ и т. д. [9, с. 34]

Так, к примеру, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ, которое по последствиям является более общественно опасным деянием, чем деяние, предусмотренное ст. 116 УК РФ, не предусматривает наказания в виде лишения свободы, в то время как за причинение побоев предусмотрено наказание в виде лишения свободы до двух лет. А следовательно, учитывать в данном случае только санкцию как индикатор общественной опасности, на наш взгляд, нельзя.

Однако мы считаем, что не все преступления небольшой тяжести настолько незначительны, чтобы считать их проступками. Например, преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека, следует относить к категории уголовного преступления. Кроме этого, как справедливо отмечает Г. Н. Борзенков, приоритетная защита указанных благ подчеркивается во многих международных актах, которые признаны Российской Федерацией (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г. и т. д. [4, с. 143]).

По нашему мнению, существенным пробелом вышеназванного Законопроекта является то обстоятельство, что при первичном совершении восемнадцатилетним лицом уголовного проступка следует реальное освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, обязательных либо исправительных работ. Однако из Законопроекта следует, что к лицу, привлеченному к ответственности за совершение уголовного проступка, не могут быть применены ч. 2 ст. 104.4, ч. 3 ст. 104.6, ч. 4 ст. 104.7 УК РФ. Неуплата штрафа и злостное уклонение от исполнения наказания в виде обязательных либо исправительных работ не влекут отмену судебного акта, которым было назначено подобное наказание, и, следовательно, уголовная ответственность по соответствующей статье УК РФ за совершенное деяние не наступает.

Вместе с тем, предлагая ввести институт уголовного проступка в уголовное законодательство России, специалисты не уточняют, к какой базовой правовой категории относится данное понятие. Из Законопроекта не усматривается законодательное закрепление уголовного проступка как новой категории преступления наравне с преступлениями небольшой, средней тяжести, тяжкими и особо тяжкими преступлениями, поскольку предложенные изменения не касаются положений ст. 14 УК РФ.

Еще одной проблемой является соотношение уголовного проступка с административной преюдицией. На наш взгляд, перед введением уголовного проступка законодателю придется исключить из УК РФ нормы, касающиеся административной преюдиции. Если в законодательстве останутся и преюдиция, и проступки, то сотрется грань между уголовными и административными нормами, а также возникнут существенные системные противоречия не только между уголовным и административным законодательством, но и внутри самого УК РФ.

Введение в уголовный закон категории «уголовный проступок» усложнит дифференциацию уголовной и административной ответственности, сделает границы между уголовно наказуемым проступком и административным правонарушением размытыми. Ведь у уголовного и административного права много общего в области установления ответственности за правонарушения, в связи с чем появляются такие феномены, как составы с административной преюдицией, смежные составы (как отмечает А. П. Шергин, более ста) [12, с. 300], возникают вопросы о криминализации и декриминализации некоторых деяний (например, побоев, клеветы). Преступление и административные правонарушения отличаются друг от друга, по сути, степенью «вредоносности» для общества. Конституционный Суд РФ подтверждает сказанное выше, указывая в своём постановлении, что административная ответственность и ответственность уголовная, будучи разновидностями публично-правовой ответственности, преследуют общую цель. В силу этого они имеют схожие задачи, принципы и тем самым дополняют друг друга [2].

В связи с этим обоснованной представляется позиция Л. Л. Кругликова и В. Ф. Лапшина, которые считают введение в УК РФ категории «уголовный проступок» неоправданной мерой и в качестве решения проблем, поднимаемых ВС РФ, предлагают исключить из УК РФ большинство норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести с их одновременным переводом в административное законодательство [6, с. 85]. Мы полностью поддерживаем позицию авторов и считаем, что УК РФ надо делать маленьким и жестким, а не продолжать его сохранять в качестве мягкого и аморфного.

Комплекс проблем, которые существуют, имеет не только материально-правовую сторону, но и процессуально-правовую. В случае признания деяния преступлением на него неизбежно распространяются сложные схемы уголовно-процессуального законодательства, которые в ряде случаев, исходя из общественной опасности

деяния, представляются излишне громоздкими. Наоборот, в случае признания деяния административным правонарушением на него столь же неизбежно распространяются предельно упрощенные схемы административно-процессуального законодательства, которые разрабатывались явно не для таких сложных и тяжких проступков. Если к этому добавить, что объективное требование о декриминализации многих деяний часто выливается в их механический перенос в категорию административных правонарушений, то картина получается почти сюрреалистическая.

По нашему мнению, введение уголовного проступка является достаточно резкой и ненужной реформой в УК РФ и неизбежно приведет к существенному противоречию между многими институтами уголовного права. Стоит учесть низкую правовую культуру граждан Российской Федерации, в связи с чем некоторые воспримут понятие «уголовный проступок» как способ безнаказанно совершать преступления небольшой тяжести. Кроме того, введение категории уголовного проступка повлечет необходимость решения таких вопросов, как назначение наказания за совокупность преступлений и уголовного проступка, изменение сроков максимального назначения наказания для отнесения преступных деяний к той или иной категории преступления, изменение общих правил назначения наказания, изменение правил установления судимости и т. д.

Стоит рассмотреть другие пути развития либерализации уголовной политики: например, перевод преступления небольшой тяжести, кроме составов по ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 118, ч. 1 ст. 124 УК РФ, в разряд административных правонарушений, либо добавление составов с административной преюдицией, либо иным способом устранение указанного в начале статьи противоречия в отношении наступления одних и тех же последствий. В частности, представляет

интерес мнение А. В. Фисун, указывающей на используемый в п. «б» и п. «в» ч. 3 ст. 86 УК РФ подход, предполагающий дифференцированное определение сроков погашения судимости в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы, а также в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений небольшой тяжести [11, с. 44]. Другими словами, одно средство дифференциации последствий за совершение различных преступлений небольшой тяжести уже есть в УК РФ, поэтому подобные изменения можно внести, например, в ст. 66, 78, 79 УК РФ. Кроме того, возможно, следует вернуть действовавший до 2012 г. предел для отнесения преступлений к категории небольшой тяжести, т. е. понизить его с трех лет лишения свободы до двух. Таким образом будут подчеркнуты наименьшие характер и степень опасности этих деяний.

Полагаем, что введение в УК РФ категории уголовного проступка только затруднит работу правоприменителей, особенно если учесть, что уголовное законодательство уже содержит различные правила, касающиеся освобождения лица как от уголовной ответственности, так и от наказания, а также составы преступлений с административной преюдицией.

Недостаточное правовое регулирование обозначенных проблем с большой вероятностью создадут много вопросов у правоприменителя, а также могут быть использованы как способы ухода от ответственности лицами, совершившими преступные деяния. Кроме того, не исключается, что не урегулированные должным образом отношения подобного рода могут вызвать очередной виток развития коррупции.

Таким образом, на сегодняшний день обозначенная проблема является дискуссионной и требует более глубокого изучения для разработки теоретических и практических предложений по совершенствованию законодательства и устранению его пробелов.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – М. : Проспект, 2016. – 240 с.
2. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 20-П [Электронный ресурс]. – URL: http://legalacts.ru/doc/Postanovlenie-KS-RF-20_P-ot-14_07_15/ (09.02.2019).
3. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 окт. 2017 г. № 42 [Электронный ресурс]. – URL: <http://supcourt.ru/documents/own/24308/> (09.02.2019).
4. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья / Г. Н. Борзенков. – М. : Зерцало-М., 2006. – 144 с.
5. Головенков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия=Strafgesetzbuch (StGB) : науч.-практ. комментарий и перевод текста закона [Электронный ресурс] / П. В. Головенков, У. Хелльманн, А. И. Парог. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252152> (дата обращения 03.04.2019).

6. Кругликов Л. Л. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон / Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин // Уголов. право. – 2017. – № 4. – С. 82–87.
7. Крылова Н. Е. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс] / Н. Е. Крылова, А. И. Парог ; пер. с фр. Н. Е. Крылова. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/3634477/> (дата обращения 03.04.2019).
8. Павлова Л. О. Уголовный проступок как перспектива углубления дифференциации уголовной ответственности // Науч. альманах. – 2017. – № 2-1. – С. 360–363.
9. Позднякова А. Р. Уголовный проступок через призму вопроса об уголовно-правовой охране жизни и здоровья новорожденного ребенка // Казан. юрид. ин-т МВД РФ. – 2018. – № 10. – С. 33–37.
10. Рогова Е. В. Уголовный проступок в истории отечественного законодательства // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2011. – № 3. – С. 101–110.
11. Фисун А. В. О некоторых проблемах введения категории «уголовный проступок» в Уголовный кодекс РФ // Теоретическая и прикладная наука (Тараз). – 2018. – № 5. – С. 43–47.
12. Шергин А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. – М. : Юрид. лит, 1979. – 144 с.

Россия в региональной и глобальной системах противодействия киберпреступности

© Смирнов В. Е., 2019

В. Е. Смирнов

студент 3-го курса, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: smirnowvladimir33@gmail.com

Научный руководитель:

И. В. Чаднова, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: Rolandab@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается текущее состояние взаимодействия России с региональными системами противодействия киберпреступности в современном мире, и выявляются перспективы его развития.

Ключевые слова: киберпреступность, СНГ, интернет, информационный суверенитет, правоохранительные органы.

За последние несколько десятилетий мир претерпел кардинальные изменения. Динамика развития общественных отношений, стимулированная развитием научно-технического прогресса, вывела человечество на качественно новый уровень. Мировое общество в целом и большинство развитых и развивающихся стран в частности неуклонно формируют общество нового типа – постиндустриальное, т. е. общество, где на первый план выходит инновационная деятельность как средство развития конкурентной среды, необходимым условием которой является информация, которая, в свою очередь, в таких условиях приобретает особое общественно-экономическое значение. Как следствие, буквально за последние 20 лет мы стали свидетелями появления новых, ранее неизвестных человечеству информационно-телекоммуникационных средств. Но настоящей революцией стало появление сети Интернет. Зародившись в 1969 г. как сеть, объединяющая несколько ведущих университетов Соединенных Штатов Америки, интернет менее чем за тридцать лет превратился в глобальное информационное пространство, обеспеченное разветвленной системой подводных коммуникационных кабелей, миллионами объединенных в единую сеть компьютеров и великим множеством серверов – хранилищ данных. Интернет дает каждому человеку возможность беспрепятственно получать доступ к интересующей его информации, удаленно знакомиться с произведениями мировой культуры и искусства, свободно выражать свое мнение по интересующим его вопросам, а также просто общаться с людьми со всего земного шара. На конец 2018 г., согласно отчету Global Digital 2018 [8] от международного агентства, специализирующегося на исследовании медиапространства We Are Social, в мире насчитывалось более 4,2

млрд пользователей Всемирной паутины. И даже Организация Объединенных Наций признала доступ в интернет базовым правом человека, тем самым подчеркнув его особую роль в жизни современного общества.

Однако, как и у всякого положительного явления, у развития сети Интернет есть и обратная сторона – появление киберпреступности. Для начала следует определиться с самим понятием «киберпреступление». Как следует из «Всестороннего исследования проблемы киберпреступности ООН», на данный момент материальные законы большинства государств не содержат в себе определения данного термина, предпочитая вместо этого указывать на конкретные составы преступлений, входящих в это понятие. Наиболее применимым к российским реалиям, на наш взгляд, является следующее определение: «Преступление, объектом посягательства которого является компьютерная информация», что отражено отечественным законодателем при выделении составов преступлений в гл. 28 УК РФ.

Киберпреступления имеют ряд особенностей, таких как:

- 1) высокая латентность, обусловленная тем, что на данный момент отсутствуют способы их оперативного выявления, и достаточно высокой долей анонимности, которую предоставляет своим пользователям интернет при условии использования продвинутых протоколов шифрования данных;
- 2) техническая сложность реализации объективной стороны данных деяний;
- 3) нестандартность способов совершения данных деяний;
- 4) трансграничность.

Интернациональность информационного пространства и непроработанность механизмов межгосударственного взаимодействия в сфере

борьбы с киберпреступностью также оставляют благодатную почву для ее развития. Преступный мир – исключительно конкурентная среда, динамика, развитие которой подчас опережают прогностические и организационные возможности законодателя и правоохранительных органов, что выливается в их неспособность в полной мере противостоять его новым вызовам. В силу вышеуказанных особенностей эффективно противостоять киберпреступности на национальном уровне без тесного взаимодействия с другими странами и международными организациями не представляется возможным. Поэтому как никогда остро встает вопрос о необходимости нахождения мировым сообществом взаимоприемлемых принципов взаимодействия по данному вопросу.

Но на данный момент наблюдается тенденция к разделению мирового сообщества на региональные «блоки», имеющие свои организационно-правовые особенности борьбы с киберпреступностью, такие как: ЕС, Лига арабских государств и т. д. Россия сегодня, на наш взгляд, чрезвычайно нуждается в интеграции в систему мировой кибербезопасности на основе взаимодействия с существующими «блоками» и отдельными государствами, а также в построении собственной системы коллективной безопасности, способной обеспечить информационный суверенитет как самой России, так и ее государств-союзников. Представляется, для достижения этих целей она должна решить три первоочередные задачи:

1. Привести материальное право Российской Федерации в соответствие с современными вызовами, диктуемыми развитием киберпреступности, провести его унификацию с материальным правом других государств на основе международных соглашений.

2. Создать коллективную систему кибербезопасности с государствами, имеющими примерную идентичность правовых институтов, сходные геополитические интересы и систему ценностей, для дальнейшего взаимодействия с уже существующими «блоками».

3. Обеспечить суверенитет своего информационного пространства.

Специфика пути Российской Федерации состоит в таком правовом и внешнеполитическом маневре, при котором удастся наладить эффективное взаимодействие с основными «полюсами силы» в вопросах кибербезопасности на международной арене. На данный момент существуют две принципиально разные, но не взаимоисключающие системы: западная, характеризующаяся либеральной моделью отношения к доступу в информационное пространство и стремлением к максимальной открытости электронных ресур-

сов, и восточная, характеризующаяся политикой изоляции, стремлением закрыть свое информационное пространство, доминированием интересов государства над личной свободой гражданина. Попробуем рассмотреть ту и другую в контексте применимости их правовых и организационных тенденций к российским реалиям в целях решения вышеописанных проблем.

Западная система противодействия компьютерной безопасности является образцовой в части унификации правовых норм [7]. Основой для этого стала Европейская конвенция по киберпреступлениям, подписанная 23 ноября 2001 г. в Будапеште (далее – Конвенция). Примечательно, что к данной Конвенции присоединились США и Япония, что расширило ее действие за пределы Европы.

Россия отказалась подписывать и ратифицировать Конвенцию, посчитав возможность трансграничного доступа компетентных органов других стран к информации, находящейся на ее территории (ст. 32 b) [1], угрозой для суверенитета страны. Данный международный акт обязует подписавшие его страны привести в соответствие с ним свое уголовное законодательство в части криминализации деяний, признаваемых Конвенцией преступлениями. Конвенция содержит, на наш взгляд, наиболее полный перечень киберпреступлений, которые делятся на четыре группы.

Первая группа включает преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем, такие как незаконный доступ, вмешательство в данные или системы в целом.

Вторую группу составляют противоправные деяния, связанные с использованием технологий: подлог, извлечение, блокировка или изменение данных, получение экономической выгоды иными способами.

Правонарушения **третьей группы** определяются содержательной частью информации (например, распространение детской порнографии).

К **четвертой группе** относятся общественные отношения, связанные с интеллектуальной собственностью.

Кроме того, на европейском уровне отдельным приложением выделяется и пятая группа – кибертерроризм [4].

Значительным отличием от западных тенденций и неоспоримым преимуществом в части кодификации уголовно-правовых норм, с нашей точки зрения, является включение отечественным законодателем в гл. 28 УК РФ преступлений, непосредственным объектом которых выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе обеспечения безопасности

компьютерной информации, в то время как на Западе, например в ФРГ [3], такие преступления расположены в разных разделах Особенной части УК, исходя из специфики объекта правовой охраны. В упомянутой главе УК РФ указаны деяния, в которых компьютеры являются предметами преступлений, а также деяния, в которых компьютер выступает как интеллектуальное средство достижения преступного результата. Деяния же, в которых компьютеры используются как орудия преступления, например кража с банковского или электронного счета или распространение порнографических материалов в сети Интернет (п. «г» ч. 3 ст. 158 и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ соответственно [Там же]), расположены в других главах Особенной части УК РФ.

При этом, несмотря на распространенное мнение о том, что многие преступления, криминализованные в Европе, не находят отражения в Особенной части УК РФ, которого придерживаются многие отечественные правоведы, такие как Виталий Анатольевич Номоконов, Татьяна Львовна Тропина [6], нам представляется это не совсем так. Спецификой диспозиций статей УК РФ является широкий по сравнению с западными список действий, за которые следует санкция.

Значительная степень унификации норм материального права и единство экономического пространства стран ЕС наряду с проработанностью в вышеуказанной Конвенции механизмов правовой помощи государств – членов ЕС стали платформой для создания межгосударственной правоохранительной структуры – Европола, который обеспечивает сбор, обработку и анализ информации, а также оперативное ее предоставление компетентным органам стран – членов ЕС. В 2013 г. открыто его структурное подразделение – Европейский центр по борьбе с киберпреступностью. В силу высокой степени межгосударственного доверия в рамках ЕС проводятся совместные тренинги и учения в части противодействия киберпреступности. Так, в контексте Европейской стратегии кибербезопасности и под эгидой Европейской комиссии ежегодно проходит мероприятие European Cyber Security Challenge, направленное на выявление готовности систем защиты информационного пространства к отражению возможных атак. Россия по Римскому соглашению 2003 г. имеет подразделение, организующее взаимодействие с Европолом, однако, ввиду того что она не является членом ЕС, стороны не предоставляют друг другу доступа к персональным данным. Хотя сотрудничество в этом направлении и крайне продуктивно для Российской Федерации, текущие геополитические тенденции не дают в полной мере развиваться этим отношениям, Россия

нуждается в альтернативных партнерах для сотрудничества.

На наш взгляд, использование западного опыта может решить задачу организации системы региональной коллективной информационной безопасности. В целях эффективной реализации форм взаимодействия компетентных органов, заложенных еще в ст. 6 Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 г. [5], и координации их действий следует создать специализированный организационно-координационный орган в рамках организации Таможенного союза ЕАЭС. Так как уголовное право стран ТС ЕАЭС в достаточной степени унифицировано, а экономическое пространство объединено, создание такого органа не потребует значительных затрат и сможет быть закончено уже в ближайшие годы.

В силу сравнительной незащищенности информационного суверенитета отдельных европейских стран из-за трансграничного доступа к информации и открытости информационных пространств Российской Федерации, занимающая принципиальную геополитическую позицию, в последнее время все чаще обращается к восточной модели кибербезопасности, ярким примером которой является КНР.

Китайский опыт активно используется в Российской Федерации в целях создания суверенного Рунета. И хотя говорить о создании аналога китайской системы фильтрации информации в интернете «Золотой щит» пока не приходится, некоторые наработки КНР по борьбе с киберпреступлениями экстремистской и террористической направленности заимствуются отечественным законодателем. Так, закон о кибербезопасности КНР предписывает всем организаторам распространения информации в интернете, а также любым компаниям, в том числе зарубежным, хранить данные китайских пользователей на территории КНР. Его аналогом являются изменения в Федеральном законе «О связи», так называемый «пакет Яровой», который выполняет задачу организации контроля над интернет-операторами, являющимися поставщиками интернет-услуг.

Сотрудничество с восточными партнерами дало весомый результат для обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации. Так, группа экспертов ШОС разработала Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности, которые в 2015 г. были внесены в качестве официального документа ООН. Данные правила закрепляют недопустимость войн в информационном пространстве, о возможности ведения ко-

торых говорит внешнеполитическая доктрина США, так как принцип ШОС – демилитаризация информационного пространства.

На сегодняшний день уровень межгосударственного взаимодействия в таких организациях, как БРИКС, ШОС и АСЕАН, конечно, несравним с таковым между странами Запада или СНГ ввиду отсутствия тождественности геополитиче-

ских интересов отдельных их членов и неунифицированности права. Однако поиск точек соприкосновения и выработка общих принципов в области кибербезопасности активно продолжается, а, учитывая смещение вектора внешней политики Российской Федерации на Восток, мы можем рассчитывать на конкретные действия в этом направлении в ближайшее время.

Список литературы

1. Европейская конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве) Будапешт, 23 нояб. 2001 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Электрон. дан. – Минск, 2019. – URL: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=4603> (дата обращения: 02.03.2019).
2. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации : заключено в г. Минске 1 июня 2001 г. // Консультант-Плюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
3. Уголовный кодекс РФ : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 дек. 2018 г.) // Консультант-Плюс [Электронный ресурс] : справочная правовая система.
4. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. – 2007. – № 2. – С. 17–25.
5. Зигмунт О. А. Компьютерная преступность в Германии // Преступность и социальный контроль в обществе постмодерна : материалы Междунар. Балт. криминол. конф. – СПб., 2015. – Ч. 1. – С. 157–159.
6. Номоконов В. А. Киберпреступность: проблемы борьбы и прогнозы / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина // Б-ка криминалиста. – 2013. – № 5 (10). – С. 148–159.
7. Якимова Е. М. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / Е. М. Якимова, С. В. Нарутто // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2016. – Т. 10, № 2. – С. 369–378.
8. GLOBAL DIGITAL REPORT 2018 [Electronic resource] // We are Social. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: <https://digitalreport.wearesocial.com/> (access date: 22.02.2019).

Искусственный интеллект в правовой реальности: проблемы и перспективы

© Трофимова А. Д., 2019

А. Д. Трофимова

студентка 2-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: alina-trofimova-1999@mail.ru

Научный руководитель:

О. А. Шабеева, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; e-mail: shabaevaolya@mail.ru

Аннотация. Раскрывается содержание искусственного интеллекта, представляется краткая история развития феномена. Приведены примеры постепенного вытеснения человека искусственным интеллектом. Рассмотрены вопросы об этичности проблем использования искусственного интеллекта в правосудии и правоохранительной деятельности и в иных видах деятельности. Также поднимается вопрос о том, кто несет ответственность за сбой в использовании искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; право; цифровизация; информационные технологии; цифровая реальность.

Формирование огромных информационных массивов, развитие цифровых технологий и их внедрение в сферы общественной жизни, рост объема информации и иные факторы повлияли на появление «цифровой» реальности.

При существовании новой реальности право становится не только средством, которое обеспечивает «цифровизацию» экономики, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своего содержания, системы, формы, структуры, механизма действия, а также демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций [8, с. 85].

В иностранных государствах «цифровизация» рассматривается как естественный феномен, который возник в результате развития правовой системы. Западные ученые затрагивают практические аспекты «цифровизации»: способность хранения колоссального объема информации; легкость в пользовании электронными источниками; устойчивость к взлому электронных баз данных; развитие рынка правовых услуг и т. п. [10].

В отечественной науке ведутся дискуссии, направленные на поиски оптимальных решений, которые сопряжены с применением цифровых технологий в области публичного управления, финансов, создания искусственного интеллекта [7, с. 47].

«Цифровизацией» является некий переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Она влияет на сферу правового регулирования, в которую входят общественные отношения, ранее не существовавшие или не требовавшие регулирования. Примером таких

общественных отношений являются: отношения, складывающиеся по поводу информации, цифровых технологий; отношения, субъектами которых являются цифровые «личности»; отношения, возникающие в результате реализации прав человека в виртуальном пространстве; отношения, ориентированные на применение робототехники, и иные общественные отношения.

Уникальные революционные решения, такие как системы искусственного интеллекта, предоставляют множество возможностей в обычной жизни, но они также несут в себе и дополнительные риски. Примером таких рисков являются: неумелое управление, уязвимость дизайна, аварии, непредвиденные обстоятельства и другие риски, которые угрожают безопасности частных лиц [5].

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий у граждан появляется ряд прав: авторское право на цифровые сущности, программное право, право цифровых денег, право цифровых операций, право цифровых споров, право программных роботов, право цифрового государственного управления, право цифрового государственного строительства, право доступа к данным и защиты при доступе и др. [7, с. 53]. Программные роботы – это определенный класс программ, которые, будучи помещенными в сетевую среду, способны выполнять определенный набор действий (поиск информации, её копирование, заказ информации и товаров и т. д.). Набор этих действий постоянно расширяется и усложняется, что может привести к возникновению достаточно сложных ситуаций. Основу современной теории искусственной жизни составляет понятие «автономный агент»

объект», который наделён памятью, сенсорной моторной способностью, средствами переработки информации, нужной для выполнения определенной реакции.

Искусственным интеллектом является та область информатики, которая изучает интеллектуальные возможности с помощью вычислительных устройств.

Термин «искусственный интеллект» (*artificial intelligence*) появился еще в 1956 г. на одном из семинаров в Стэнфордском университете в США. Семинар был посвящен разработке логических, а не вычислительных задач. В середине 1980-х г. в Японии в рамках проекта разработки компьютера пятого поколения, основанного на знаниях, был создан компьютер шестого поколения, или нейрокомпьютер. Появились параллельные компьютеры с большим количеством процессоров – транспьютеры. От транспьютеров был один шаг до нейрокомпьютеров, моделирующих структуру мозга человека. Основная область применения нейрокомпьютеров – распознавание образов.

В России с середины 50-х гг. XX в. исследователи и изобретатели подали заявки приблизительно на 340 тыс. изобретений на основе искусственного интеллекта. Эксперты отметили, что в последнее время увеличивается число патентных заявок на использование искусственного интеллекта в робототехнике. С каждым годом патентных заявок становится все больше. Например, в 2013 г. их было 622, а уже в 2016-м – 2272. Направления использования искусственного интеллекта различны: транспортное, медицинское, персональное устройство, сфера безопасности, а также сфера юриспруденции. Лидером направления является сфера безопасности, а применение искусственного интеллекта в юриспруденции находится на последнем месте [6].

Нередко российские и зарубежные исследователи задаются вопросами об этичности проблем использования искусственного интеллекта в правосудии и правоохранительной деятельности. Некоторые считают, что использование в правосудии искусственного интеллекта несет опасность сделать человека, его права и свободы уязвимыми, а само правосудие бесчеловечным и формальным.

Мировое сообщество постепенно «строит законодательный фундамент» для применения искусственного интеллекта. Европейская комиссия 4 декабря 2018 г. приняла текст Европейской этической хартии использования искусственного интеллекта в судебной системе [3], в которой официально сформулировано пять фундаментальных принципов:

✓ принципы уважения основных прав: обеспечение того, чтобы разработка и внедрение

инструментов и услуг искусственного интеллекта были совместимы с основными правами;

✓ принцип недискриминации: конкретное предупреждение развития или усиления любой дискриминации между отдельными лицами или группами лиц;

✓ принцип качества и безопасности в отношении обработки судебных решений и данных с использованием сертифицированных источников и нематериальных данных с использованием моделей, разработанных в междисциплинарном порядке, в безопасной технологической среде;

✓ принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости: обеспечение доступности и понимания методов обработки данных, санкционирование внешних аудитов;

✓ принцип «под контролем пользователей»: исключение предписывающего подхода и обеспечение того, чтобы пользователи были информированными субъектами и контролировали свой выбор.

Значение хартии состоит в том, что она предназначена для руководства в работе государственных и частных заинтересованных сторон, которые ответственны за создание и внедрение искусственного интеллекта, а также создание и внедрение его компонентов в судебную и правоохранительную сферы. Хартия также затрагивает лиц, которые принимают решения в сфере законодательной или нормативной базы и оказывают связанные с этим услуги. Хартия также поддерживает использование методов и компонентов искусственного интеллекта для повышения эффективности и качества правосудия и правоохранительной работы.

В России также начинается «строительство законодательного фундамента» для применения искусственного интеллекта. Например, 9 мая 2017 г. Президент РФ В. В. Путин издал Указ № 203 «О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.». Данная стратегия определяет цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [1]. Пункт 12 Указа Президента РФ отмечает, что «в России наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям актуальной является проблема интенсификации использования самих технологий. Технологии, созданные на основе передовых знаний (нано- и биотехнологии, оптические технологии, искус-

ственный интеллект, альтернативные источники энергии), становятся доступными» [Там же]. В Постановлении Правительства РФ № 996 также указывается, что «в подсистеме развития реализуются принципы максимального использования существующих и создаваемых знаний, источников информации, исключения двойного ввода данных, минимизации человеческого участия в рутинных операциях, обязательного контроля человеком результатов работы алгоритмов искусственного интеллекта, приоритета независимых децентрализованных исследований и другие принципы» [2].

Использование искусственного интеллекта необходимо для обработки судебных решений и правоохранительной деятельности, повышения уровня раскрываемости преступлений, поднятие уровня доказательности направляемых в судебные инстанции обвинительных заключений, а также обеспечения нового уровня обоснованности судебных решений за счет снижения количества ошибок при их вынесении.

В современном мире следует задать вопрос: кто выиграет – человек или компьютер?. С 10 по 17 февраля 1996 г. в Филадельфии проходили соревнования между человеком и компьютером. В них участвовали создатели Deep Blue и чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров. По окончании победил человек со счетом 4:2. А в 1997 г. Deep Blue усовершенствовали процессор. Состоялся матч-реванш, в котором победила машина со счетом 2,5:3,5. Разработчики говорили, что в программе был баг, который допустил отступление от заданной схемы ведения игры, что и помогло победить Каспарова. Следовательно, можно сделать вывод, что в XXI в. нас обслуживает армия машин, которые работают быстрее, они выносливее и умнее нас, но не обладают универсальностью, как люди, с каждым годом они становятся все интеллектуальнее [4, с. 54].

В 1982 г. в журнале Time явлением года был назван персональный компьютер, т. е. первый лауреат, который являлся неодушевленным предметом. Вообще этот журнал был ориентирован на поиски человека года, и провозглашение 1982-го Годом компьютера показало, что в сферу живого, сферу чисто человеческих отношений вторгается машина. И она не просто вторгается, а ещё и занимает лидирующее место, опережая человека. Следующим примером применения автоматизированного интеллекта является пилотирование самолета бортовым компьютером. Пилотам пассажирских самолетов сложно или вообще невозможно приземляться в условиях нулевой видимости, но бортовые компьютеры и автоматизированные системы могут успешно справляться с этой задачей. Новые

устройства вытесняют людей, и этих примеров достаточно много.

«В настоящее время искусственный интеллект не может быть игнорирован обществом, институтами власти и правом. Британский ученый-физик профессор С. Хокинг в интервью журналу Wired высказывал мысль о том, что наделенные искусственным интеллектом роботы в скором времени могут стать «новой формой жизни». В российской юридической литературе акцентировалось внимание на необходимости создания правового базиса для совершенно новых правовых отношений между человеком и искусственно созданным носителем сознания» [9, с. 48].

В Евросоюзе уже несколько лет обсуждается вопрос об ответственности разработчиков алгоритмов за принятие решения, потому что некоторое время назад многие решения стали приниматься автоматически. Рассмотрим пример. При заполнении анкеты на получение кредита в банке человека оценивает машина, а не человек. Поэтому человек, у которого проверялась анкета, не может судиться ни с каким другим человеком, если не дали этот кредит. Сейчас очень часто решение принимает именно алгоритм. И главная проблема с алгоритмом в следующем: кто за него отвечает? Тот, кто эксплуатирует, или тот, кто его разработал, или же он сам? У него нет юридического статуса. Российский философ Кирилл Константинович Мартынов считает, что в первую очередь отвечать должны разработчики, которые все же отказываются от ответственности; во вторую очередь тот, кто принял решение об эксплуатации. А разработчики и те, кто используют, просто не знают, на основе каких критериев машина будет принимать решение. У нее еще не будет искусственного интеллекта в том смысле, как мы понимаем его полноценно. Это будет такой «предынтеллект», который просто способен автоматизированно принимать некоторые решения.

По данным Сколково, в ближайшем будущем исчезнут такие профессии, как бухгалтер, экономист, юрист. В медицине также отводится большая роль новым технологиям, с помощью которых диагностируются различные заболевания, прогнозируется коэффициент выживаемости и т. п. И уже сейчас мы понимаем, что новые технологии, использующие искусственный интеллект, способны выполнять очень сложные функции.

Т. Я. Хабриева отмечает, что цифровые технологии могут менять образ права и влиять на его регулятивный потенциал и эффективность; анализ процессов «цифровизации» позволяет предсказывать изменения механизма правообразования, коррекцию границ социальных регуляторов [8, с. 2].

Эксперты Европейской комиссии считают, что применение искусственного интеллекта может привести к усилению зависимости судей, присяжных и других участников судебного процесса от заранее сделанных прогнозов относительно итогов процесса, которые базируются не на каких-то предпочтениях и личных оценках, а исключительно на объективных статистических расчетах.

Скорее всего, каждый задавался вопросом: а не является ли искусственный интеллект угрозой для человечества? Нам представляется, что через лет 500 человек будет заменен роботом,

поскольку в эпоху развитой промышленности и информационных технологий все большее место в различных областях жизни человека занимает именно «роботизированное производство», которое вытесняет обычных людей. Автоматизированный интеллект сможет заменить человека лишь по функциям, но не по человеческим качествам. Он не сможет сострадать, радоваться, веселиться, чувствовать боль, страх, любовь, не сможет верить во что-либо. Ведь именно этим человечество и отличается от искусственного интеллекта.

Список литературы

1. О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собр. законодательства РФ. - 2017. - № 20. - Ст. 2901.
2. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 гг. : постановление Правительства РФ от 25 авг. 2017 г. № 996 (ред. от 21.12.2018) // Собр. законодательства РФ. - 2017. - № 36. - Ст. 5421.
3. Бекетов А. Искусственный интеллект в суде [Электронный ресурс]. - URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения: 20.03.2019).
4. Ермолаева В. В. Автоматизированные интеллектуальные системы и нечеткая логика / В. В. Ермолаева, Р. В. Батаев // Молодой ученый. - 2016. - № 10. - С. 54-56.
5. Законность: теория и практика : монография / М. С. Андрианов [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. - 3-е изд. - М. : Контракт, 2017. - 400 с.
6. Овчинский В. Судья с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. - URL: http://zavtra.ru/blogs/sud_ya_s_iskusstvennim_intellektom (дата обращения: 20.03.2019).
7. Радченко М. Ю. Цифровое право будущего / М. Ю. Радченко, В. П. Горбунов // Право и интернет: теория и практика : III Всерос. конф. (28-29 нояб. 2000 г.). - М., 2000. - С. 47-53.
8. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журн. рос. права. - 2018. - № 1. - С. 1-18.
9. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица : теоретико-методологические подходы // Тр. Ин-та государства и права РАН. - 2018. - № 2. - С. 36-55.
10. Germain Claire M. Digitizing the Worlds Lows // Cornell Law Faculty Working Papers, Paper 72. Ithaca, 2010.